Изъ книгъ Пафа С.Д. Шереметева

N. ШК. СС11 П. 9/36

Разумовский

Прот. Дм. Вас. Разумовскій.

ПАТРІАРШІЕ ПѢВЧІЕ ДІАКИ И ПОДДІАКИ

И

ГОСУДАРЕВЫ ПѢВЧІЕ ДІАКИ.

Съ портретомъ и факсимиле Прот. Дм Вас. Разумовскаго, біографическимъ очеркомъ и спискомъ его печатныхъ трудовъ.

Изданіе
Н. Ф. Финдейзена.
1895.

Дозволено цензурою Спб. 28 Сентября 1885 г.

Х23
37

Настоящія двѣ статьи первые напечатаны: первая—въ «Археологическомъ Вѣстникѣ» за 1868 г, вторая—въ «Полярной звѣздѣ» за 1881 г

Протоіерей Д. В. Разумовскій.

(Очеркъ его дѣятельности).

I.

Церковное пѣніе въ Россіи,—одинъ изъ существеннѣйшихъ и наиболѣе интересныхъ вопросовъ исторіи русскаго музыкальнаго искусства, основы котораго долгое время оставались невыясненными, не разработанными, не имѣвшими ни строго-научной системы, ни серьезной, изслѣдованной и подтвержденной фактическими данными, исторіи. Церковное пѣніе до шестидесятыхъ годовъ—занимало, съ одной стороны, любителей этого пѣнія и старины (ученые не отдавались ему всецѣло и лишь *затрогивали* этотъ вопросъ въ своихъ изслѣдованіяхъ); съ другой стороны, оно представляло обширное поле борьбы и фантазіи увлеченныхъ, тѣмъ или другимъ послѣдованіями, лицъ духовнаго званія. Въ каждомъ монастырѣ, едва ли не въ каждой церкви, вмѣстѣ

со своими уставами были и свои воззрѣнія на церковное пѣніе, свои напѣвы, свои особенные распѣвы, притомъ часто не древніе и подлинные, а достаточно искаженные необразованными переписчиками церковныхъ пѣснопѣній и, едва ли не еще больше, досужими выдумками искусныхъ пѣвцовъ-монаховъ. *Не было строго установленной системы, не было исторіи, а слѣдовательно не знали, каково было пѣніе древне-греческое, перешедшее къ нашимъ предкамъ; не знали какіе напѣвы искажены и каково должно быть русское церковное пѣніе.*

Что касается до литературы по вопросу о русскомъ церковномъ пѣніи, то таковая, не смотря на то, что первыя попытки къ разработкѣ этого вопроса относятся еще къ началу нынѣшняго столѣтія [1]) (а болѣе серьезныя къ серединѣ его), почти дальше собиранія историческихъ матеріяловъ, за рѣдкими исключеніями, не шла. Изъ музыкантовъ, серьезно интересовался церковнымъ цѣніемъ А. Ѳ. Львовъ, написавшій нѣсколько небольшихъ статей по этому вопросу— «*О пѣніи въ Россіи*» (1834), «*О свободномъ или*

[1]) Назову — «*Историческое разсужденіе вообще о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно о пѣніи Россійской церкви, съ нужными примѣчаніями*» (1-е изд. 1799 г., 2-ое—1804), митрополита Евгенія (Болховитинова) и его же изслѣдованіе «*О русской церковной музыкѣ*» («Отечественныя Записки», 1821 г.), сочиненіе Н. Горчакова «*Опытъ вокальной пѣвческой музыки въ Россіи*».

несиметричномъ ритмѣ» (1858); но недостаточно-научная подготовка и диллетантизмъ автора отняла у нихъ характеръ серьезныхъ, научныхъ трудовъ. Гораздо болѣе значенія имѣютъ матеріалы, собранные Безсоновымъ, Сахаровымъ и Ундольскимъ. «*Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія*» В. М. Ундольскаго напечатаны въ «Чтеніяхъ Моск. Историч. Общ.» 1846 г.; статья второго изъ нихъ — «*Изслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣніи*», напечатана въ журналѣ Министерства народн. просв. въ 1849 г., а книга Безсонова «*О судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ*», издана въ 1864 г. Затѣмъ можно упомянуть лишь имена кн. В. Ѳ. Одоевскаго, этого глубоко и всесторонне образованнаго любителя-ученаго, который въ своихъ разнообразныхъ статьяхъ отвелъ мѣсто и нашему вопросу (имъ написаны слѣдующія статьи: «*Объ исконной русской музыкѣ*», «*О пѣніи въ приходскихъ церквахъ*», «*Къ вопросу о древне-русскомъ пѣніи*» и др.) и отчасти, со стороны исторической, В. В. Стасова, напечатавшаго въ 1865 г. крайне любопытную статью «*Замѣтки о демественномъ и троестрочномъ пѣніи*».

Но, повторяю, всѣ эти сочиненія могутъ считаться лишь матеріалами и подготовительной работой къ будущему историческому и критическому изслѣдованію русской церковной музыки. И первымъ историкомъ церковнаго пѣнія, первымъ ученымъ, серьезно и вполнѣ справившимся со

своей задачей, является покойный Дм. В. Разумовскій.

II.

Нельзя не признаться, что біографическія свѣдѣнія о Разумовскомъ чрезвычайно скудны; скромный авторъ «Церковнаго пѣнія въ Россіи» не позаботился оставить о себѣ хотя нѣсколько подробныя данныя. За то лучшей характеристикой его дѣятельности служатъ его печатные труды.

Дмитрій Васильевичъ Разумовскій родился 26 октября 1818 г., вѣроятно въ Кіевѣ, такъ какъ онъ поступилъ въ тамошнюю Духовную Академію. Происходя изъ духовнаго званія онъ, разумѣется, своими родителями, былъ направленъ въ воспитаніи по тому же пути. Но его природная склонность и глубокое влеченіе къ наукѣ повели въ другую сторону, въ ученый міръ, къ научнымъ изысканіямъ, хотя онъ все же оставался примѣрнымъ священнослужителемъ, прослуживъ много лѣтъ протоіереемъ церкви св. Георгія на Вспольѣ, въ Москвѣ (на Малой Никитской), пользуясь симпатіей и любовью своей паствы. Окончивъ, въ 1843 году, Кіевскую духовную академію, о. Разумовскій занялъ первоначально мѣсто профессора физики, математики и еврейскаго языка

въ Виѳанской духовной семинаріи.—Въ это время онъ, вѣроятно, выдержалъ экзаменъ на магистра богословія. Разумовскій былъ серьезно образованъ, хорошо зналъ древніе, и въ томъ числѣ еврейскій, языки. Изслѣдуя библейскія древности, Разумовскій, незадолго до поступленія профессоромъ въ Московскую консерваторію, написалъ и сталъ печатать (въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1865—1871) любопытное сочиненіе: «*Упоминаемые въ Св. Писаніи—деревья, растенія, овощи, горныя травы, луговыя травы, кустарники*».

Въ 1850 г. Д. В. былъ рукоположенъ въ священники. Когда въ 1858 г. была учреждена комиссія для разсмотрѣнія и исправленія нотныхъ церковныхъ сочиненій—Разумовскій былъ назначенъ ея членомъ. Наконецъ, по открытіи въ Москвѣ Н. Г. Рубинштейномъ консерваторіи, въ которой была учреждена *первая* въ Россіи каѳедра исторіи церковнаго пѣнія — выборъ палъ на Д. В. Разумовскаго, какъ на ученаго, едва ли не единственнаго и законно имѣвшаго возможность серьезно руководить этимъ дѣломъ. И эту профессорскую должность, Д. В. занималъ до конца своей жизни; по смерти его не нашлось ему замѣстителя и эта каѳедра теперь закрыта въ Москвѣ [1]).

---

[1]) Въ Петербургской консерваторіи недолгое время преподавалъ, вмѣстѣ съ исторіей музыки въ Россіи, исторію церковнаго пѣнія покойный З. З. Дуровъ, слишкомъ рано скончавшійся. Ду-

III.

Съ первыхъ же шаговъ своей научно-литературной дѣятельности, о. Разумовскій указывалъ на всѣ недостатки современной церковной музыки, строго разбиралъ существующіе распѣвы, указывалъ, гдѣ находится истинное православное церковное пѣніе и, преимущественно передъ другими, обращалъ особое вниманіе на *столповой* (или знаменный) распѣвъ, какъ самый подлинный и *коренной* русскій. Знаменный распѣвъ получилъ свое названіе отъ *знаменъ* или нотъ; *знаменное пѣніе* означаетъ вообще *пѣніе нотное*, въ противуположность обыкновенному пѣнію безъ

ровъ, бывшій артиллерійскій офицеръ, оставилъ военную службу и посвятилъ себя изученію русской музыкальной старины, для чего поѣхалъ въ Москву и поступилъ въ тамошнюю консерваторію, гдѣ онъ и занимался подъ руководствомъ прот. Разумовскаго. Плодомъ этихъ занятій и послѣдующихъ изысканій въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, было рукописное сочиненіе его «*Опытъ исторіи музыки въ Россіи*», представленное въ 1885 г. въ Академію Наукъ на соисканіе преміи гр. Уварова. По порученію Академіи Наукъ, Разумовскій разсмотрѣлъ это сочиненіе, и въ своемъ отзывѣ о немъ (см. ниже списокъ статей Р—го), высказалъ, что это сочиненіе—очень добросовѣстный и замѣчательный трудъ и авторъ его, въ своихъ изслѣдованіяхъ, пошелъ гораздо дальше своего учителя (прот. Разумовскаго).—Это сочиненіе осталось неизданнымъ и неизвѣсто гдѣ и у кого теперь находится. Другая статья Дурова по этому предмету—«*Общій очеркъ исторіи музыки въ Россіи*» напечатана въ переводѣ «Исторіи музыки» Доммера (изд. П. Юргенсона, М. 1884 г) Дуровъ скончался 11 января 1886 г. въ Спб, отъ разстройства умственныхъ способностей.

нотъ, по наслышкѣ [1]), какъ это въ древности практиковалось при изученіи церковнаго пѣнія. Главное вниманіе въ лучшихъ и значительныхъ работахъ Д. В. обращено именно на исторію, значеніе и теорію знаменнаго пѣнія. Первое изслѣдованіе Разумовскаго, какъ и многія изъ послѣдующихъ работъ, было посвящено этому вопросу о «знаменномъ» пѣніи—26 сентября 1863 г. Д. В. читалъ въ Моск. Общ. любителей духовнаго просвѣщенія докладъ «*О нотныхъ безлинейныхъ рукописяхъ церковнаго пѣнія*».

Серьезное образованіе и знакомство съ древними и церковно-славянскимъ языками уже говорили въ пользу ученаго археолога. Онъ много работалъ въ казенныхъ архивахъ и частныхъ книгохранилищахъ. Изучивъ и разобравъ цѣлую массу старинныхъ славянскихъ рукописей, съ одной стороны, и поддерживаемый любителями и лучшими знатоками русскаго церковнаго пѣнія (кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, В. В. Стасовымъ и Н. М. Потуловымъ) съ другой—Разумовскій могъ дѣйствительно хорошо подготовиться къ роли профессора церковной музыки въ Московской консерваторіи. Здѣсь онъ въ первый же годъ прочелъ цѣлый рядъ лекцій по исторіи и теоріи церковнаго пѣнія, и по окончаніи семестра (въ 1867 г.) приступилъ къ печатанію этихъ лекцій, вышедшихъ

[1]) «Церк. пѣніе въ Россіи», вып. I, стр. 121.

въ 3-хъ выпускахъ (1867—69 гг.), озаглавленныхъ: «*Церковное пѣніе въ Россіи*». Это былъ первый значительный и серьезный трудъ Разумовскаго по этому вопросу. И съ этихъ поръ начинается его извѣстность въ ученомъ мірѣ, съ этихъ поръ устанавливается его авторитетъ и въ наукѣ, и среди музыкантовъ.

Не смотря на нѣкоторые невольные промахи и неточности, происшедшіе отъ недостаточно полнаго знакомства съ исторіей западной духовной музыки (на эти ошибки вполнѣ справедливо указываетъ г. Ларошъ въ своемъ разборѣ этого сочиненія [1]), не смотря также на ошибки, обнаруживавшія не вполнѣ свободное мнѣніе о дѣятельности нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ композиторовъ (Галуппи, Сарти, Бортнянскаго, Львова, Потулова и др.),—«Церковное пѣніе въ Россіи» нельзя не признавать трудомъ первостепенной важности, по количеству и серьезности матеріаловъ, собранныхъ и изслѣдованныхъ авторомъ. Изъ чмсла прежнихъ изслѣдованій о. Разумовскій пользовался главнымъ образомъ сочиненіями митрополита Евгенія, Безсонова и Ундольскаго, но помимо этихъ источниковъ Разумовскій отыскалъ

[1]) См статью Ларошa «Русская музыкальная литература» («Русск Вѣстн.» 1869 г. октябрь), въ которой авторъ, между прочимъ, говоритъ: «трактатъ отца Разумовскаго носитъ на себѣ всѣ признаки добросовѣстнѣйшей ученой работы» Другой благопріятный отзывъ—А Н Сѣрова—напечатанъ въ его газетѣ «Музыка и театръ» за 1867 г № 15

еще много новыхъ данныхъ, изучилъ церковные напѣвы и превосходно изслѣдовалъ эпоху борьбы знаменнаго періода съ нотно-линейнымъ, а также освѣтилъ время господства придворной капеллы, дѣятельность которой была далеко не безупречна. Въ 3-хъ отдѣлахъ своего сочиненія авторъ изслѣдовалъ 1) богослужебное пѣніе древней христіанской церкви, 2) мелодическое пѣніе православной греко-россійской церкви (здѣсь особенно выдается изложеніе основъ знаменнаго пѣнія и его исторія) и 3) партесное пѣніе нашей церкви. Кромѣ того очень большое значеніе имѣетъ *азбука* столповой знамени, со сборникомъ ѳитниковъ и кокизъ [1]) и азбукой демественнаго пѣнія, приложенные при 3-мъ выпускѣ. «Важность означенныхъ приложеній, говоритъ авторъ некролога Разумовскаго въ «Церк. Вѣдом.»,—особенно для того времени, была буквально незамѣнима». Авторъ иллюстрировалъ свой трудъ цѣлой массой нотныхъ примѣровъ съ древнихъ рукописей, сравнительными таблицами церковныхъ пѣснопѣній и т. д. Этотъ трудъ никогда не потеряетъ своего значенія, а во время своего появленія онъ былъ исключительнымъ и важнымъ.

---

[1]) По опредѣленію Разумовскаго. ѳиты—изображали собой цѣлое, болѣе или менѣе продолжительное, мелодическое выраженіе знаменнаго распѣва; кокизы (книга, глаголемая кокизы, сирѣчь ключъ къ столповому знамени)—руководство къ изученію знаменнаго распѣва (Но едва ли ѳиты и кокизы не являли собою родъ *мелизматическихъ* украшеній основногознаменнаго распѣва напѣва)

Разумовскій посвятилъ свое сочиненіе Русскому музыкальному обществу, «открывшему *первую* каѳедру исторіи церковнаго русскаго пѣнія». За этотъ трудъ Д. В. была присуждена Археологическимъ обществомъ серебряная медаль. Нынѣ изданіе «Церквнаго пѣнія» разошлось совсѣмъ и уже составляетъ библіографическую рѣдкость.

Въ слѣдующемъ 1868 г. появилось новое интересное изслѣдованіе Разумовскаго—«*Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки*», имѣющее связь съ другимъ изслѣдованіемъ—«*Государевы пѣвчіе діаки*», печатающіеся нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ.

Участвуя въ 1-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (1869 года), Д. В. читалъ, въ 4-мъ и 5-мъ засѣданіяхъ съѣзда, свои рефераты: 1) *Музыкальная дѣятельность кн. В. Ѳ. Одоевскаго* (Одоевскій умеръ въ февралѣ 1869 г., незадолго до съѣзда), 2) *Церковное русское пѣніе* и 3) *Народное мірское пѣніе и собственно музыка*. Въ второй статьѣ авторъ изслѣдовалъ, главнымъ образомъ, технику и исторію нотнаго церковнаго пѣнія и описалъ переходъ къ нотнолинейнымъ рукописямъ русской церкви второй половины XVII вѣка. Послѣдній рефератъ затрогиваетъ русскую народную инструментальную музыку и даетъ краткое описаніе цѣлаго ряда народныхъ «страментовъ» (инструментовъ). Въ этомъ отношеніи любопытно письмо Разумовскаго (отъ

3 мая 1887 г.) къ Мих. Пѣтухову, напечат. въ «Русской Старинѣ» 1889 г., гдѣ Д. В. сообщаетъ какимъ путемъ онъ изслѣдовалъ народную музыку. При этомъ слѣдующее мнѣніе покойнаго протоіерея, что «гусли въ оп. «Русланъ и Людмила», безъ сомнѣнія, сдѣланы единственно на основаніи воображенія. Въ Россію принесены гусли изъ Греціи: тамъ ихъ родина, а не въ Россіи»— совершенно ошибочно. Гусли встрѣчались у Славянъ въ глубокой древности; финское «кантелэ»— едва ли не прототипъ русскихъ гуслей.

Послѣ «Церковнаго пѣнія въ Россіи», другимъ важнымъ трудомъ Д. В. считается его книга «*Богослужебное пѣніе православной греко-россійской церкви*». Когда въ восьмидесятыхъ годахъ былъ возбужденъ вопросъ о новомъ изданіи богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ квадратной нотаціи, о. Разумовскій не только принялъ дѣятельное участіе въ пересмотрѣ, исправленіи и дополненіи книгъ, но былъ оффиціально назначенъ наблюдать за печатаніемъ ихъ.

Кромѣ этихъ трудовъ, Д. В. напечаталъ въ 1881 г. въ журналѣ «Полярная Звѣзда» (январь) небольшое, но интересное и обстоятельное изслѣдованіе: «*Государевы пѣвчіе дьяки*», служащее какъ бы дополненіемъ къ названному выше сочиненію о Патріаршихъ пѣвчихъ. Авторъ живо излагаетъ исторію этихъ дьяковъ, ихъ обычаи, бытъ и службу. Затѣмъ Д. В. принималъ дѣя-

тельное участіе въ трудахъ и изданіяхъ Импер. Общ. любителей древней письменности; здѣсь, между прочимъ, подъ его редакціей изданъ (1884 г.) «*Кругъ древняго церковнаго пѣнія знаменнаго распѣва*», въ 3-хъ томахъ; къ этому чрезвычайно важному изданію было приложено новое изслѣдованіе о. Разумовскаго о знаменномъ распѣвѣ, которое онъ въ теченіи всей своей дѣятельности столь ревностно пропагандировалъ.

Помимо ученыхъ трудовъ, профессорской дѣятельности въ Московской консерваторіи и исполненія обязанностей настоятеля церкви, Д. В. находилъ еще время участвовать въ обществахъ, съѣздахъ и даже читалъ иногда публичныя лекціи. Такъ, почти за годъ до смерти о. Разумовскій, въ апрѣлѣ 1888 г., на выставкѣ «Общества Поощренія Трудолюбія» читалъ рефератъ о церковномъ пѣніи [1]), въ которомъ настаивалъ, во-избѣжаніе искаженій, на церковномъ пѣніи по книгамъ, объяснялъ основы пѣнія и существующіе распѣвы и опять таки проводилъ главенство «знаменнаго», который существуетъ 9 вѣковъ, съ введенія у насъ христіанства (другая особенность этого распѣва заключается въ правильной передачѣ текста, безъ неудачныхъ повтореній). Далѣе онъ разбиралъ различные мѣстные напѣ-

[1]) Отчетъ объ этой лекціи напечатанъ въ «Московск. Вѣдом. 1888 г. № 10.

вы монастырей и указывалъ на ихъ недостатки. Лекція сопровождалась пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ, иллюстрировавшихъ изложеніе о. Разумовскаго.

Эта лекція (едва ли не первая публичная лекція по вопросу о церковномъ пѣніи) — была послѣднимъ важнымъ проявленіемъ дѣятельности о. Разумовскаго. Черезъ годъ его не стало. Онъ скончался 2-го января 1889 г. и похороненъ 4-го января—на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ. По окончаніи торжественнаго отпѣванія, гробъ былъ вынесенъ и донесенъ до могилы на рукахъ почитателями покойнаго протоіерея. Всѣ съ нимъ искренно прощались и чувствовали утрату—и прихожане, и вся консерваторія, и еще больше ученый міръ.

Списокъ напечатанныхъ трудовъ Д. В. Разумовскаго.

1) О нотныхъ безлинейныхъ рукописяхъ церковнаго знаменнаго пѣнія (1863 г.).

2) Упоминаемые въ Св. писаніи деревья, растенія, овощи, горныя травы, луговыя травы, кустарники. («Душеполезное чтеніе» *1865* г.—сентябрь, ноябрь, декабрь; *1866* г.—январь, ноябрь; *1867* г.—декабрь; *1870* г —ноябрь; *1871* г —сентярь)

3) Объ основныхъ началахъ богослужебнаго пѣнія православной Греко-Россійской церкви (Сборникъ на 1866 г изданный Общ Древне-Русскаго искусства Отд I).

4) Церковное пѣніе въ Россіи (опытъ исторіко-техническаго изложенія) Въ 3 выпускахъ (Москва 1867—1869)

5) Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки (Археологич Вѣстникъ 1868 г. ноябрь—декабрь)

6) Музыкальная дѣятельность князя В Ѳ Одоевскаго. (Труды 1-го археологич съѣзда въ Москвѣ, 1869 г)

7) Церковное русское пѣніе Народное мірское пѣніе и собственно музыка.—Историческая замѣтка о мірскомъ пѣніи русскаго народа. (Тамъ же).

8) Какое значеніе имѣетъ гармонія Потулова для пѣнія нашей православной церкви. (Труды 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ Т 2)

9) Государевы пѣвчіе діаки (Полярная звѣзда 1881 г январь)

10) Изслѣдованіе о знаменномъ пѣніи налеч въ 1 т изданія «Кругъ древняго церковнаго пѣнія знаменнаго распѣва» (1884 г изд Общ Любит. древней письменности).

11) Разборъ рукописнаго сочиненія З Дурова «Опытъ исторіи музыки въ Россіи». (Отчетъ о 27-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб 1885 г).

I.

ПАТРІАРШІЕ ПѢВЧІЕ ДІАКИ И ПОДДІАКИ.

Хоръ патріаршихъ пѣвцовъ, его численность, внутреннее устройство, одежда, пища, денежные доходы Права и преимущества, патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ.

Всероссійскіе патріархи, во все время служенія своего Русской церкви, постоянно имѣли при себѣ особый хоръ пѣвчихъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ подъ именемъ *Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ.*

Хоръ патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ, по своей численности, былъ очень значителенъ. Но численность Патріаршаго хора никогда не была опредѣлена строго и точно. При первыхъ Патріархахъ число пѣвцовъ было гораздо менѣе, чѣмъ при Патріархахъ послѣдующихъ, жившихъ во второй половинѣ XVII в. При патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ (1626 и 1627 г.) находилось только двадцать девять діаковъ и поддіаковъ, а при послѣднихъ Патріархахъ (1692

и 1698 г.) ихъ считалось уже пятьдесятъ человѣкъ; слѣдовательно почти вдвое болѣе.

Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки составляли два отдѣльныхъ класса. Къ первому изъ нихъ принадлежали пѣвчіе діаки, а ко второму— пѣвчіе поддіаки.

Собственно пѣвчіе діаки, всегда почти въ числѣ десяти человѣкъ, раздѣлялись на двѣ статьи, или станицы, по пяти человѣкъ въ каждой станицѣ. Такое раздѣленіе пѣвчихъ діаковъ опредѣлялось ихъ служеніемъ въ храмѣ, гдѣ издревле находились, какъ и доселѣ находятся, два мѣста для пѣвцовъ: правая, десная, страна или правый клиросъ, и лѣвая страна, или лѣвый клиросъ. На правомъ клиросѣ всегда помѣщалась первая станица Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ, а лѣвый клиросъ занимала всегда вторая станица Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ. Поэтому въ лѣтописяхъ первая станица пѣвчихъ діаковъ называется большóю станицею и пѣвчими праваго клироса; вторая же станица тѣхъ-же діаковъ именуется другою станицею, или, иначе, пѣвчими лѣваго клироса. При патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ первую станицу пѣвчихъ діаковъ составляли, т. е. на правомъ клиросѣ становились— Андрей Кузьминъ, Иванъ Никитинъ, Димитрій Фалалеевъ и Богданъ Ивановъ, а ко второй станицѣ принадлежали, или становились на лѣвомъ клиросѣ, Даніилъ Ивановъ, Савинъ Михайловъ,

Леонтій Михайловъ и Титъ Іосифовъ. Патріаршіе ,пѣвчіе поддіаки раздѣлялись на шесть станицъ также большею частію по пяти человѣкъ въ каждой станицѣ. Нерѣдко къ нимъ присоединялась еще седьмая станица, состоявшая изъ новоприбылыхъ малыхъ поддіаковъ. Изъ этихъ станицъ первая и вторая станицы поддіаковъ назывались большими станицами, а третья и четвертая — меньшими станицами. Въ исходѣ же XVII в. только одна первая станица Патріаршихъ пѣвчихъ поддіаковъ называлась большею; прочія же шесть станицъ извѣстны были подъ именемъ рядовыхъ.

Всѣ пѣвчіе діаки и поддіаки, по возрасту своему, раздѣлялись на большихъ или возрастныхъ, и малыхъ или недоростковъ. Возрастнымъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ невозбранно дозволялось вступать въ бракъ и проводить семейную жизнь. Новоприбыльные малые поддіаки всегда помѣщались въ шестую и седьмую станицы, отчего седьмая станица Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ была иногда менѣе, а иногда болѣе пяти человѣкъ, и считалась какъ бы добавочною.

Въ Патріаршіе пѣвцы, безъ сомнѣнія, поступали преимущественно такія лица, которыя обладали естественнымъ, сильнымъ и чистымъ, голосомъ, къ какой бы области онъ ни принадлежалъ Но естественное дарованіе и въ то время, какъ нынѣ, имѣло въ пѣвцѣ второстепенное значеніе.

Достоинство пѣвца главнымъ образомъ опредѣлялось знаніемъ того, что, когда и какъ надлежало пѣть или исполнять! Патріарховы пѣвчіи діаки и поддіаки въ совершенствѣ знали самый употребительный и старый въ русской церкви знаменный или столповый распѣвъ, а также большое и малое демественное пѣніе, или просто демество. Кромѣ того Патріаршимъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ извѣстно было пѣніе трехстрочное, а со второй половины XVII вѣка— греческій, большій и малый распѣвъ. Въ 1667 г. 7 марта, въ субботу пятую святыхъ постовъ, при торжествѣ въ похвалу Пресвятыя Богородицы «пѣвчіе діаки Патріарши пѣли на обѣихъ клиросѣхъ Взбранной воеводѣ троестрочную, а по второй каѳизмѣ и по третей пѣсни и по шестой пѣли греческую меньшую, а послѣднюю самую пѣли на сходѣ обѣ станицы — большую греческую» [1]).

Прямая обязанность Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ состояла въ исполненіи церковнаго пѣнія при служеніи Патріаршемъ, за исключеніемъ однакоже Московскаго большаго Успенскаго Собора. Здѣсь пѣніе издавна исполнялось мѣстными священниками и діаконами. Поэтому при служеніи Патріарха въ семъ соборѣ пѣніе исполнялось то исключительно патріаршими

[1]) Доп къ V Т. А. И. Выходы Патріаршіе № 26.

пѣвчими діаками и поддіаками, то совокупно и попеременно съ соборными священниками, то единственно одними соборными священниками. Въ 1685 г., въ недѣлю мясопустную, Патріархъ указалъ пѣти всенощную службу священникамъ, а на пѣвцевъ гнѣвъ былъ за то, что не поспѣли къ началу службы. Иногда Патріаршіе пѣвчіе исполняли церковное пѣніе совокупно съ священниками и въ другихъ храмахъ. Въ 1666 г. Февраля 11-го, «Патріархъ слушалъ литургію у себя на дворѣ, у Трехъ Святителей, и всѣ власти, а пѣли знаменное на одномъ крылосѣ священникъ тое церкви со иными, а на лѣвомъ Патріарховы пѣвчіе поддіаки».

Кромѣ того Патріаршіе пѣвчіе принимали постоянное участіе въ пѣніи во время крестныхъ ходовъ, при торжествѣ новолѣтія, при погребеніи лицъ царскаго дома, при совершеніи торжественныхъ панихидъ и пр. Они также нерѣдко ходили за Патріархомъ на богомолье. Патріаршій пѣвчій діакъ Ѳеодоръ Константиновъ подъ 1667 г. записалъ, что «апрѣля въ 20-й день Вселенскіе Патріархи Паисій Александрійскій, Макарій Антіохійскій ходили къ живоначальной Троицы въ Сергіевъ монастырь молиться; властей съ ними были Газскій Митрополитъ Паисій да Грузинскій Митрополитъ, и иніи ихъ Архимандриты и Игумены, да чудовской Архимандритъ Іоакимъ, да Всемилостиваго Спаса Новаго монастыря Архи-

мандритъ Іосифъ, да пѣвчихъ діаковъ Патріарховыхъ станица лѣвой клиросъ, да поддіаконъ съ поддіаки съ девятью человѣкъ, всѣхъ было четырнадцать человѣкъ» [1]). Въ 1666 г., когда оба вселенскіе Патріархи ходили въ Звенигородъ, въ Саввинъ монастырь, съ ними отпущены были лѣвый клиросъ Патріаршихъ пѣвчихъ, да поддіаковъ большая и меньшая станица [2]). Нерѣдко Патріаршіе пѣвчіе діаки пѣли при столѣ, во дворѣ царя и при домѣ самаго Патріарха. Въ 1666 г. въ столѣ у царя пѣли стихъ пѣвчіе государевы первая станица: «Ты царю сый и пребываяй во вѣки», а потомъ пѣли Патріарховы пѣвчіе діаки и поддіаки вмѣстѣ, прежде сѣдаленъ Рождеству пречистыя Богородицы: возопій Давиде, да потомъ канонъ Пасцѣ весь пропѣли [3]).

При отправленіи своей прямой обязанности въ храмѣ, при служеніи Патріаршемъ, пѣвчіе діаки и поддіаки Патріарха постоянно облачались въ стихари то золотые, то серебряные бѣлые, то черные, смотря по степени и значенію духовнаго торжества. При поставленіи царя Ѳеодора Алексѣевича на царство (1676) патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки были въ золотыхъ стихаряхъ. Стихари надѣвали даже и малые пѣвчіе поддіа-

---

[1]) Доп. къ V Т. А. И. стр. 125.
[2]) Доп. къ А. И. Т. V Выходы Патріаршіе стр. 119.
[3]) Доп. къ А. И. V Выходы Патріаршіе стр. 113 и 123.

ки, какъ это обыкновенно бывало въ недѣлю цвѣтоносія, когда малые пѣвчіе стояли въ саняхъ при украшенной вербѣ и пѣли стихиры. Церковное-облаченіе Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ было столь обыкновеннымъ явленіемъ. что сохранившіяся современныя записи упоминаютъ о пѣніи безъ облаченія, какъ о явленіи необычномъ. Такъ напр. было въ 1686 и 1695 гг.

Въ обыкновенное же, неслужебное, время, одежда Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ нисколько не отличалась отъ одежды современныхъ діаконовъ. Она состояла изъ рясы и подрясника, перетянутаго поясомъ. Все это было суконное. Патріаршіе пѣвчіе діаки получали сукна или отъ царя, или отъ русскихъ епископовъ. Царскія сукна назывались у пѣвчихъ діаковъ причастными, когда выдавались по случаю причащенія царя и царицы, милостинными, когда выдавались въ награду или поощреніе и при особенныхъ церковныхъ торжествахъ, на которыхъ присутствовалъ царь. Сукна царскія, разныхъ цвѣтовъ, выдавались по опредѣленной мѣрѣ, смотря по лицу, для котораго назначались. Большею мѣрою сукна служило портище, т. е. четыре аршина безъ четверти. Въ расходной книгѣ 1613 г. по случаю «пещнаго дѣйства», подъ 21 декабря, записано: «дано тремъ отрокамъ за пещное дѣйство по три аршина сукна настрафилю вишневаго, по 17 алтынъ 2 деньги за аршинъ. Да пѣв-

чему діаку Григорью Андрееву за пещное ученье три съ половиною аршина сукна свѣтлозеленаго настрафилю, цѣна 2 рубли портище; да пѣвчимъ же діакамъ четыремъ человѣкамъ за пещное дѣйство четыре портища сукна настрафилю же. Въ томъ числѣ одно портище аглинскаго сукна вишневаго цвѣта цѣною два рубли, шесть алтынъ, четыре свѣтлозеленаго настрафиль цѣна два рубли и два портища лазоревыхъ тоже цѣною два рубли, каждая. Да двумъ человѣкамъ халдѣямъ Степану да Савѣ лазореваго-же настрафилю по портищу цѣною два рубли, четыре алтына, двѣ деньги» [1]).

Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки получали сукна отъ русскихъ епископовъ, во время поставленія ихъ въ санъ епископскій. Поставленіе во епископа при Патріархахъ всероссійскихъ всегда совершалось въ храмѣ Успенія, или, какъ нынѣ принято называть, въ Московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ. При этомъ новопоставляемый, по существовавшему тогда обычаю, для большаго благолѣпія и торжества въ священнослуженіи, обкладывалъ сукномъ нѣкоторыя мѣста въ Соборѣ. Это-то сукно и оставалось въ пользу Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ. Всѣ эти сукна, кажется, вполнѣ обезпечивали годо-

---

[1]) Кн. расх. 122 г. М. О. П. № 717.

вое содержаніе пѣвчихъ діаковъ одеждою: поэтому нерѣдко можно встрѣтить просьбу Патріарховыхъ пѣвчихъ діаковъ къ царю о томъ, чтобы онъ вмѣсто суконъ, обычнаго дара въ извѣстныхъ случаяхъ, приказалъ выдать наличныя деньги. Эта просьба всегда удовлетворялась.

Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки имѣли постоянное пребываніе въ слободахъ Патріаршихъ, на землѣ, принадлежавшей въ Москвѣ Патріаршему дому. Въ половинѣ XVII вѣка велѣно было у Патріарха слободы взять совсѣмъ (Улож. гл. 19 ст. 1) Но Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки не остались безъ пріюта. Около 1670 г. Патріархъ купилъ землю для пѣвческихъ дворовъ у князя Голицына. Эта земля находилась въ Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, въ смежности съ землями Богоявленскаго монастыря, Новгородскаго Митрополита и Троицкаго-Сергіева монастыря. На этой землѣ пѣвчіе діаки и поддіаки Патріарха построили свои, вѣроятно, деревянные дворы. Въ 1684 году помѣщеніе пѣвчихъ оказалось тѣснымъ, и потому Патріархъ указалъ къ пѣвческой землѣ прирѣзать отъ сосѣдней огородной земли Троицкаго монастыря въ длину полторы сажени, а въ ширину 18 саженъ съ полусаженью. Чрезъ шесть лѣтъ потомъ, Патріархъ Іоакимъ рѣшился замѣнить деревянное жилище пѣвчихъ каменнымъ строеніемъ и указалъ подъ жилье пѣвчихъ вновь прирѣзать отъ огородной земли Троицкаго мона-

стыря въ длину три сажени одинъ аршинъ, а въ ширину 18 саженъ съ полусаженью. Отчужденіе огородной земли Троицкаго монастыря совершилось по мѣновому акту. Въ грамотѣ Патріарха, писанной къ властямъ Троицкаго монастыря въ 1690 г., говорилось: «въ прошломъ 191 г. (1684 г.) по нашему указу взято въ домъ Пресвятыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ и намъ Патріархамъ, на Москвѣ въ Китаѣ городѣ, подъ дворы нашихъ домовыхъ пѣвчихъ, діаковъ и поддіаковъ, Троицкаго Сергіева монастыря подворья огородной земли, отъ Митрополичья Новгородскаго подворья, подлѣ нашей домовой пѣвческой земли до улицы, что позади Богоявленскаго монастыря, изъ длинника полторы сажени, а изъ поперечника восьмнадцать саженъ съ полусаженью. А въ нынѣшнемъ 197 г. Октября въ 20 день, по нашему-же Святѣйшаго Патріарха указу, а съ вами властьми по договору, пристоилось принять подъ дворье каменное строеніе ихъ, домовыхъ нашихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ, того же Троицкаго подворья огородной же земли къ прежней смежной изъ длинника три сажени одинъ аршинъ, а изъ поперечника противъ прежняго 18 саженъ съ полусаженью; обоего и съ прежнимъ изъ длинника пять саженъ безъ четверти аршина, а изъ поперечника 18 саженъ съ полу-

[1]) Кн. расх. 121 г. М. О. II. № 717.

саженью. А вмѣсто той огородной Троицкаго подворья земли, прежней и нынѣшней, дать въ домъ Живоначальныя Троицы наши Святѣйшаго Патріарха церковные пустовыя земли, которыя пустѣютъ изъ давнихъ лѣтъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ вынебожскомъ стану, въ вотчинныхъ земляхъ Троицкаго-же Сергіева монастыря церковную землю Николая Чудотворца, что было село Желтиково, да церковную-же землю Николая Чудотворца, что было село Лазарево съ пашнею и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи. А по писцовымъ книгамъ 135 и 136 годовъ въ тѣхъ церковныхъ земляхъ пашни и перелѣсу и лѣсомъ поросли тридцать пять четей въ полѣ, а въ двухъ потому-жъ, сѣна двадцать пять копенъ; и на тѣ наши вышеописанныя церковныя земли впредь для вотчиннаго владѣнія дать въ домъ Живоначальныя Троицы мѣновую за нашею домовою казеною печатью и за руками казначеевъ нашихъ, а Троицкаго подворья на огородную вышеописанную, прежнюю и нынѣшнюю, землю взять въ домовую нашу казну противъ того-жъ мѣновную за вашими руками. И какъ къ вамъ сія наша Святѣйшаго Патріарха грамота придетъ, и вы бы, противъ нашего указу и своего договору, Московскаго Китайскаго Троицкаго Подворья на прежнюю взятую и нынѣшнюю огородную землю, которая пристоилась подъ дворовье каменное строеніе къ домовой нашей пѣвческой землѣ, прислали

къ Москвѣ мѣновую за своими руками не мотчавъ, а на наши домовые вышеписанныя церковныя земли мѣновую велѣли у нашихъ казначеевъ принять».

Столъ Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ, по записямъ XVII в., можно почитать, если не совершенно роскошнымъ, то покрайней мѣрѣ достаточно полнымъ. Всѣ съѣстные припасы для стола пѣвчихъ отпускались ежегодно съ житнаго патріаршаго двора. Зерновой хлѣбъ, соль, [1]) рыбные припасы выдавались въ такомъ количествѣ, которое съ избыткомъ могло удовлетворять дневной потребности.

Выдача зерноваго хлѣба пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ (или иначе, годовое хлѣбное жалованье) производилась отдѣльно каждому пѣвчему діаку и поддіаку. Она соразмѣрялась съ значеніемъ станицы, къ которой принадлежалъ пѣвчій діакъ и поддіакъ. Каждый пѣвчій діакъ первой станицы получалъ вдвое болѣе зерноваго хлѣба, чѣмъ пѣвчій поддіакъ первой станицы; точно также пѣвчему діаку второй станицы отпускалось вдвое болѣе хлѣба, чѣмъ пѣвчему поддіаку

---

[1]) Соль выдавалась Патріаршимъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ дважды въ годъ, въ посты—великій и Успенскій. Каждый семейный, пѣвчій діакъ и поддіакъ получалъ въ это время по два съ половиною пуда соли, а каждый холостой—по два пуда. Въ 1700 г всѣмъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ выдано было отъ патріарха сто двадцать пудовъ соли.

второй же станицы. Количество зерноваго хлѣба, выдаваемаго пѣвчимъ поддіакамъ 1 й и 2-й станицы, въ свою очередь было вдвое болѣе количество того же хлѣба, выдаваемаго пѣвчимъ поддіакамъ 5-й и 6-й станицы. Вотъ болѣе подробный счетъ:

		Одному			
		Ржи.		Овса.	
		Четвертей	Четериковъ.	Четвертей	Четериковъ.
Пѣвчимъ діакамъ	первой станицы	17	2	17	2
» »	второй »	14	—	14	—
» поддіакамъ	первой »	8	2	8	2
» »	второй »	7	—	7	—
» »	третьей »	5	4	5	4
» »	четвертой »	5	—	5	—
» »	пятой »	4	1	4	1
» »	шестой »	3	4	3	4
» »	седьмой »	3	—	3	—

Если принять во вниманіе полное число Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ, то окажется, что съ Патріаршаго житнаго двора выдавалось имъ ежегодно до 400 четвертей ржи и столько же четвертей овса.

Въ мясоястіе Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки получали деньги на свиное мясо. Въ поденной обиходной книгѣ 1700 года значится, что за годовое свиное мясо выдано изъ Патріаршей казны всѣмъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ 90 руб. 26 коп. Въ посты, строго соблюдавшіеся предками нашими, пѣвчимъ Патріаршимъ выдавалось немалое количество рыбныхъ припасовъ. Эти припасы состояли изъ осетрины, семги, бѣ-

луги и икры. Выдача сихъ припасовъ, по количеству своему, сообразовалась нетолько съ значеніемъ станицы, къ которой принадлежалъ пѣвчій діакъ, но и съ различіемъ семейныхъ обстоятельствъ.

Женатые пѣвчіе діаки получали болѣе припасовъ, чѣмъ холостые. Въ 1700 г. было выдано тридцати семи женатымъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ, каждому на Филипповъ и Петровъ посты—два осетра, и двѣ семги, икры армянской 10 фунтовъ; къ сырной недѣлѣ—по бѣлугѣ и семгѣ и 6 ф. икры. Холостые же пѣвчіе діаки, въ числѣ 10-ти человѣкъ, получили въ то же время на Филипповъ постъ—по полуосетру, и по семгѣ и по 4 фунта икры; на петровъ постъ по цѣлому осетру и по семгѣ; и, наконецъ, къ сырной недѣлѣ по полубѣлугѣ, по семгѣ и по 4 ф. икры.

Вся эта пища находилась на обыкновенномъ, будничномъ, столѣ Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ. Въ праздники являлись на столѣ ихъ болѣе разнообразныя яства, отпускавшіеся также съ Патріаршаго двора. Въ воскресные и праздничные дни, а также въ государскіе Ангелы, столъ Патріаршихъ пѣвцовъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ, до десяти нарядовъ въ блюдо. Въ эти дни съ Патріаршаго двора отпускалось пѣвцамъ «по два хлѣба съ половиною, по десяти пироговъ, по калачу хомутинному въ блюдо, икры

армянской пять фунтовъ, визиги пять пучковъ въ нарядъ, щукъ десять колодокъ, ухи и варенчугу и штей съ снѣтками по десяти нарядовъ,—звенъ бѣлужьихъ одинъ пудъ восемь фунтовъ, семги двѣнадцать фунтовъ съ половиною, и рыба паровая. Кромѣ того, въ Господніе праздники поставлялись прибавочныя блюда изъ полтора пуда осетрины, десяти кружковъ тельнаго и десяти блюдъ пряженыхъ пироговъ». При яствахъ во всѣ воскресныѳ и праздничные дни, и въ государскіе Ангелы выдавалось еще, съ расхожева погреба по кружкѣ пива и по кружкѣ меду на каждаго пѣвчаго діяка и поддіака.

Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки нерѣдко также имѣли особый столъ у Царя и Патріарха, наравнѣ съ прочими духовными властями, эти обѣды почитались торжественными. Къ Патріаршему столу для пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ до 1690 г. отпускалось съ такого погреба «по ведру меду краснаго, да по ведру меду бѣлаго». При Патріархѣ Іоакимѣ стали выдавать еще вино церковное «по ведерному оловенику». Впослѣдствіи дача питей усилена прибавкою пива простого по ведерному же оловенику.—По случаю молебновъ и панихидъ Патріаршимъ пѣвчимъ раздавали питья на расхожемъ Патріаршемъ погребѣ.

Почти вполнѣ обезпеченное Патріаршихъ пѣвцовъ въ одеждѣ, домѣ и пищѣ, значительно улучшалось денежными средствами. Эти средства по-

лучались изъ разныхъ источниковъ, постоянныхъ и измѣняющихся.

Единственнымъ постояннымъ источникомъ денежныхъ пѣвческихъ средствъ служила Патріаршая казна, производившая Патріаршимъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ годовое жалованье. Оно, если судить по современной стоимости монеты, было не мало. Въ 1626 и 1627 годахъ Патріаршая казна выдала 186 р. 5 коп. на 29-ть человѣкъ, а въ 1698 году —309 руб. 50 к. на 50 человѣкъ. Пѣвчіе діаки и поддіаки получали неодинаковое жалованье: діаки —большее, поддіаки,— меньшее. Притомъ пѣвчіе діаки первой станицы получали большее жалованье, чѣмъ пѣвчіе же діаки второй станицы. Точно такая же постепенность въ распредѣленіи годоваго жалованья соблюдалась и между Патріаршими пѣвчими поддіаками: большее годовое жалованье выдавалось пѣвчимъ поддіакамъ первой станицы, и самое малое—пѣвчимъ поддіакамъ послѣдней, седьмой, станицы. Все различіе въ денежномъ жалованьѣ каждой станицы яснѣе можно видѣть изъ табели 1710 г., утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ. Въ этой табели годовое жалованье между пѣвчими діаками и поддіаками распредѣлено почти также, какъ оно выдавалось имъ при самихъ Патріархахъ.

		Число лицъ.	Годовое жалованье. Одному.	Всѣмъ.
Пѣвчимъ діакамъ	1-й станицы	5	12 р. 50 к.	62 р. 50 к.
	2-й »	5	10 » 50 »	52 » 50 »
Пѣвчимъ поддіак	1-й »	1	10 » — »	10 » — »
	»	2	7 » — »	14 » — »
	»	2	6 » 50 »	13 » — »
	2-й	1	7 » 50 »	7 » 50 »
	»	4	5 » 50 »	22 » — »
	3-й »	5	5 » — »	25 » — »
	4-й »	5	4 » — »	20 » — »
	5-й »	5	3 » — »	15 » — »
	6-й »	5	3 » — »	15 » — »
	Итого	40	— —	256 р. 50 к

Неодинаковое распредѣленіе годоваго жалованья между станицами Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ побуждало пѣвцовъ низшихъ станицъ поступать въ станицы высшія, на окладъ большій. Оно же, въ управленіи Патріаршаго дома, служило довольно удобнымъ средствомъ награждать пѣвчихъ исправныхъ и наказывать нерадивыхъ и непокорныхъ. Второстепенные, измѣняющіеся, источники пѣвческихъ доходовъ оказывались источниками болѣе существенными. Они замѣчательны по своему разнообразію. Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки получали деньги славленныя, служебныя, пошлинныя, милостынныя или наградныя.

Въ праздникъ Рождества Христова Патріархъ, во время благовѣста къ Литургіи, ходилъ славить Христа въ хоромы Царя. «Пѣвчіе въ сти-

харяхъ идучи пѣли стихиры празднику, и пришедъ въ хоромы пѣвчіе пѣли: Рождество Твое, Христе Боже нашъ, и, слава нынѣ, Дѣва днесь, потомъ — Господи помилуй, трижды, Владыко благослови. Патріархъ говорилъ отпустъ и потомъ пѣвчіе пѣли многолѣтніе благовѣрнымъ царямъ». Царь всегда приказывалъ выдавать славленое. Пѣвчіе славили Христа въ домѣ Патріарха и Патріархъ также имѣлъ обычай выдавать славленое изъ своей домовой казны. Въ 1627 г. Патріархъ жаловалъ на всѣхъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ пять рублей десять копѣекъ, а въ 1698 г. Патріархъ Адріанъ давалъ славленаго десять рублей, безъ пятака. Безъ сомнѣнія славленое пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ не ограничивалось хоромами царя и домомъ Патріарха, а совершалось и по другимъ мѣстамъ въ Москвѣ. Отвсюду собиралось славленое въ неопредѣленномъ, болѣе или менѣе значительномъ, количествѣ, смотря по значенію и щедрости принимавшаго пѣвчихъ съ славленымъ. Къ тому же празднику Рождества Христова, по указу «великихъ Государей и по благословенію святѣйшихъ Патріарховъ», русскіе архипастыри ежегодно присылали въ Москву со иконы и со святыми водами, а изъ монастырей архимандриты, игумены, строители, и келари, и казначеи, со иконы и со святою водою въ пріѣздѣ сами бывали. Всѣ эти лица славленыя деньги діакомъ

пѣвчимъ и поддіакомъ платили по вся годы. Большее число славленаго присылали Митрополиты Новгородскій и Казанскій. Но въ 1690 г. «по указу великихъ Государей и святѣйшаго Патріарха» присылка отъ архіереевъ и пріѣздъ начальниковъ монастырей въ Москву къ празднику Рождества Христова прекратились. «Того ради Патріарховымъ діакамъ пѣвчимъ и поддіакамъ учинилась скудость». По этому случаю Патріархъ Іоакимъ установилъ роспись славленымъ рождественскимъ деньгамъ, и повелѣлъ «изъ Патріаршаго казеннаго приказу 1) послать къ архіереямъ грамоты, велѣть имъ деньги по росписи изъ ихъ архіерейскіе домовые казны и съ монастырей своея епархіи собрать и присылать къ Москвѣ ежегодно непремѣнно на 198 годъ и впредь по вся годы, не мотчавъ, Декабря къ двадесять пятому числу; 2) а святѣйшаго Патріарха Епархіи въ города послать грамоты къ закащикамъ и велѣть имъ съ монастырей собрать и присылать къ Москвѣ съ старостами поповскими потомужъ».

По этой росписи всѣ архіерейскія каѳедры и монастыри раздѣлены были на 11-ть категорій. Самый большій взносъ славленыхъ денегъ, 15 руб., назначенъ былъ съ Троицкаго Сергіева Монастыря. За тѣмъ ежегодно должны доставлять славленаго:

Семь рублей — Митрополиты: Новгородскій,

Казанскій, Сибирскій, Ростовскій, Рязанскій. Монастыри: Ипатьевскій Костромской,—Кириловъ Бѣлозерскій и Спасскій Ярославскій.

Пять рублей — Митрополиты: Крутицкій, Нижегородскій, Бѣлгородскій, Суздальскій, Вологодскій Архіепископъ и Монастыри: Московскій Чудовъ, Новоспасскій, Симоновъ, Богородицкій Свіажскій; Спасскій Евѳиміевъ Суздальскій, и Псково-Печерскій.

Четыре рубля — Митрополиты: Псковскій и Смоленскій; Архіепископы: Тверскій, Коломенскій, Вятскій; Монастыри: Савинъ-Сторожевскій, Воскресенскій, Иверскій-Новгородскій, Печерскій, Новгородскій, Богоявленскій-Костромскій, Пафнутіевъ-Боровскій, Соловецкій, Покровскій дѣвичій Суздальскій.

Три рубля съ половиною — Новгородскіе монастыри: Юрьевъ и Хутынскій.

Три рубля—Астраханскій митрополитъ; Архіепископы: Холмогорскій и Устюжскій; монастыри: Владимірскій. Рождественскій; Преображенскій, Казанскій; Іосифовъ-Волоколамскій; Макарьевъ-Желтоводскій; Тихвинъ-Новгородскій; Калязинъ-Кашинскій и Московскіе дѣвичьи Вознесенскій и Новодѣвичій.

Два рубля съ половиною — Епископы Тамбовскій и Воронежскій; монастыри: Горицкій-Переяславскій; Каменный-Вологодскій; Николаевскій и Пѣшношскій.

Два рубля — Монастыри: Макарьевскій-Унженскій, Прилуцкій-Вологодскій.

		Новгородскій Митрополитъ.	Казанскій Митрополитъ.
Пѣвчимъ діакамъ	1-й станицы	1 р. 80 к.	1 р. 70 к.
	2-й станицы	1 р. 50 к.	1 р. 40 к.
Пѣвчимъ поддіак.	1-й станицы	1 р. 20 к.	1 р. 10 к.
	2-й станицы	1 р. 10 к.	1 р. —
	3-й станицы	1 р —	— 90 к.
	4-й станицы	— 90 к.	— 80 к.
	5-й станицы	— 80 к.	— 70 к.
	6-й станицы	— 70 к.	— 60 к.
		9 р. —	8 р. 20 к.

Троицкій-Астраханскій. Антоніевъ-Николаевскій. Бѣжецкаго верху, Крестный, Антоніевъ-Сійскій и Рязанскіе — Спасскій, Солотченскій и Богословскій.

Полтора рубля — монастыри — Московскіе: Андроніевъ, Петровскій, Николаевскій-Угрѣшскій; Новгородскіе: Антоніевъ, Вяжицкій и Александро-Свирскій, Вологодскіе: Павловъ и Корнильевъ; Переяславскій-Даниловъ.

Одинъ рубль — монастыри Московскіе: Донскій, Даниловъ, Златоустовскій, Богоявленскій, Знаменскій, Новинскій, Высоцкій-Серпуховъ, Лужецкій, Можайскій, Возмицкій, Волоколамскій, Борисоглѣбскій-Дмитровскій; Ростовскіе — Богоявленскій и Борисоглѣбскій; Отрочь-Тверской; Духовъ-Новгородскій; Переяславскій-Никитскій; Глушицкій, Вологодскій и Ѳерапонтовъ-Бѣлозерскій.

Полтину—Воздвиженскій-Московскій на Арбатѣ, и Колоцкій-Можайскій.

Росписи славленыхъ денегъ, за собственноручною подписью Патріарха Іоакима, доселѣ хранятся въ Можайской Сѵнодальной (Пархіаршей) Библіотекѣ.

Современники остались довольны росписаніемъ славленыхъ денегъ. Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки оставались довольны потому, что изсякшій источникъ денежныхъ доходовъ открывался для нихъ снова. Плательщики славленыхъ денегъ не могли не утѣшаться уменьшеніемъ ихъ въ росписи Патріарха. Такъ напр. Новгородскій Митрополитъ ежегодно платилъ славленаго добровольно вмѣстѣ съ поддіаками одинадцать рублей, а по росписанію Патріарха обязывался представлять впередъ всего только семь рублей. О Кіевскомъ же Митрополитѣ Патріархъ замѣтилъ посему случаю, что «когда будетъ на Москве, тогда и дачю учинитъ за честь свою» и потому не разрѣшалъ посылать къ ему грамоты о славленныхъ деньгахъ. Такимъ образомъ въ 1690 г. съ 21 архіерейскаго дома и 69 Патріаршей области и степенныхъ монастырей собрано было славленаго для пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ 278 рублей.

Собранныя славленыя деньги поступали въ раздѣлѣ пѣвчимъ діакамъ и поддіакимъ. Патріархъ Іоакимъ предписывалъ «діакамъ пѣвчимъ двумъ станицамъ брать по рублю на станицу.—

поддіакамъ первой и второй станицѣ—по рублю же на станицу,—поддіакамъ же третьей и четвертой станицѣ по тридцати алтынъ на станицу,—подьякамъ же пятой и шестой станицѣ по двадцати пяти алтынъ, по четыре деньги на станицу.

Съ прекращеніемъ Патріаршества, этотъ источникъ пѣвческихъ доходовъ прекратился не вдругъ. Росписаніе ставленныхъ денегъ «именнымъ блаженыя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1703 г. 14 марта указомъ было утверждено и повелѣно имъ тѣ славленыя деньги отъ архіереевъ и монастырей давать по прежнему».

Другимъ источникомъ денежныхъ доходовъ для патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ служило пѣніе въ храмахъ, куда по особому случаю приглашали самаго патріарха на служеніе. Пѣвчіе діаки и поддіаки получали при этомъ за свое пѣніе особыя деньги. Это—деньги, такъ называемыя, служебныя. За отправленіе каждой панихиды по представившихся государяхъ царяхъ, царицахъ и всей высочайшей ихъ фамиліи изъ дворцовой канцеляріи постоянно выдавалось патріаршимъ пѣвчимъ по 1 руб. 80 коп. [1]). Плата отъ другихъ мѣстъ и лицъ за пѣніе патріаршихъ діаковъ и поддіаковъ была условна и зависѣла

---

[1]) Выдача этихъ денегъ прекратилась въ 1750 г

болѣе всего отъ щедрости производившаго ее. Впрочемъ, при совершеніи погребенія производилась пѣвцамъ опредѣленная плата. Эта плата имѣла три статьи или различія. Она была или большая, когда деньги за пѣніе выдавались по большей статьѣ, или средняя, когда деньги за пѣніе платились по средней статьѣ, или малая, когда деньги за пѣніе выдавались по меньшей статьѣ. При платѣ по большой статьѣ слѣдовало давать каждому пѣвчему діаку большей станицы, два рубля, а другой станицы — полтора рубля; поддіакамъ большой станицы одинъ рубль, второй станицы девяносто копѣекъ, третьей — восемьдесятъ копѣекъ, четвертой — семдесятъ копѣекъ, пятой — шестьдесятъ копѣекъ, шестой — пятьдесятъ копѣекъ, и двумъ станицамъ новоприбыльнымъ малымъ поддіакамъ десяти человѣкамъ по сорока копѣекъ человѣку. [1]) Такимъ образомъ за пѣніе патріаршихъ пѣвцовъ плата по большой статьѣ, въ общей сложности, простиралась до 44 р. Не приводимъ далѣе платы за пѣніе по средней и малой статьямъ. Эти платы — нѣсколько менѣе платы по большей статьѣ. Слѣдуетъ однако же замѣтить, что вся совокупность служебныхъ денегъ, получавшихся патріаршими пѣвчими, должна представлять довольно значительную годовую цифру.

---

[1]) А. И. Т. V. № 296.

Пошлинныя деньги собирались патріаршими пѣвчими діаками и поддіаками изъ двухъ источниковъ: съ Московскихъ приходскихъ церквей и съ ставленниковъ. Сборъ денегъ съ приходскихъ Московскихъ церквей былъ, сравнительно, очень незначителенъ. На содержаніе патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ отдѣлено было только для сорока Московскихъ церквей.

Каждая церковь платила ежегодно по 50 копѣекъ, и слѣдовательно пѣвчими діаками и поддіаками «въ раздѣлъ здву сороковъ збиралось» всего въ годъ тридцать рублей пятьдесятъ копѣекъ.

Гораздо значительнѣе былъ сборъ ставленническихъ пошлинъ. Патріархъ имѣлъ въ своемъ іерархическомъ вѣдѣніи особую область, точно также, какъ и всякій русскій епископъ имѣлъ свою отдѣльную епархію. Область исключительно патріаршаго управленія не составляла какую-либо опредѣленную мѣстность; эта область была разсѣяна по всей тогдашней Россіи. Храмы и приходы, принадлежавшіе къ патріаршей области, почитались лучшими мѣстами. Кто желалъ занять одно изъ такихъ мѣстъ, обыкновенно обращался съ просьбою къ самому Патріарху. Такъ начинались дѣла, производствомъ которыхъ преимущественно занимались патріаршіе поддіаконы, а также пѣвчіе діаки и поддіаки. Эти лица, вѣроятно, не получали отъ патріарха никакой платы за свой письменный трудъ. По этому до 1675

года каждый искатель мѣста въ патріаршей области, или иначе ставленникъ, долженъ былъ давать дѣлопроизводителямъ условныя, болѣе или менѣе значительныя, суммы. Но условія не всегда выходили обоюдно выгодны; нерѣдко даже представлялось затрудненіе достигнуть удовлетворительнаго взаимнаго соглашенія между просителемъ и дѣлопроизводителемъ, отчего происходило не мало волокитъ и убытковъ. Патріархъ Іоакимъ, въ предотвращеніе многихъ затрудненій, установилъ опредѣленную плату со всѣхъ ставленниковъ. По сему установленію, каждый ставленникъ обязанъ былъ выдавать пѣвчимъ діакамъ праваго клироса десять копѣекъ и столько же пѣвчимъ діакамъ лѣваго клироса; пѣвчему діаку Ѳедору Константинову за подъяческое ученіе три копѣйки; поддіакамъ первой, второй и третьей станицѣ по девяти копѣекъ на станицу, а четвертой, пятой и шестой станицѣ по пяти копѣекъ на станицу». [1]) По сему разчисленію, каждый ставленникъ платилъ патріаршимъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ до шестидесяти копѣекъ пошлины. Въ послѣдствіи эти пошлины нѣсколько возвысились. Поставляемый въ діакона платилъ пѣвчимъ діакамъ пятьдесятъ четыре копѣйки, а поставляемый во священника — девяносто одну копѣйку. Акты, относящіеся къ

[1]) А. И. Т. IV. № 159.

началу Сѵнодальнаго управленія, справедливо находили сборъ ставленническихъ пошлинъ не малымъ. Въ 1842 г. пѣвчими діаками и поддіаками собрано ставленническихъ пошлинъ 788 р. $16^1/_2$ к., — въ 1743 году—632 р. $38^1/_2$ к., — въ 1744 году -- 653 р. 72 к. Весь этотъ доходъ патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ совершенно прекратился въ 1751 году, потому что въ это время всѣ храмы бывшей патріаршей области были причислены къ тѣмъ епархіямъ, среди которыхъ они находились. Патріаршія области, оставшіяся въ вѣдѣніи Московской епархіи, также не доставляли никакихъ денегъ бывшему патріаршему хору, жившему еще въ Москвѣ въ полномъ составѣ.

Причина такого обстоятельства заключалась въ томъ единственно, что въ Московской епархіи въ то время были учреждены свои пѣвчіе.

Милостынныя, или наградныя, деньги составляли также нерѣдкое явленіе въ жизни патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ. Разныя радостныя и печальныя событія въ семействѣ царскомъ всегда почти сопровождались усердною милостынею. Въ 1649 году, по случаю крещенія великаго князя Димитрія Алексѣевича, и въ 1650 году, по случаю крещенія великой княжны Евдокіи Алексѣевны, выдано было изъ дворцовой казны патріаршимъ пѣвчимъ діакамъ первой станицы — сорокъ рублей. Въ первой станицѣ

патріарховыхъ діаковъ числилось тогда пять человѣкъ: Богданъ Ивановъ, Ѳедоръ Константиновъ, Иванъ Никитинъ, Иванъ Матвѣевъ, Иванъ Трофимовъ, Семенъ Михайловъ. Слѣдовательно каждый изъ нихъ, въ указанныя два года, получили отъ царя десять рублей. Нерѣдко также партіаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки получали наградныя деньги изъ суммъ домовой казны патріарха. По кончинѣ патріарха Іосифа, царь Алексѣй Михайловичъ изъ суммы, оставшейся послѣ патріарха, собственноручно роздалъ каждому изъ патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ по десяти рублей милостыни.

Такимъ образомъ хоръ патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ, несмотря на свою значительную численность, во все время патріаршества, пользовался вполнѣ удовлетворительными средствами къ жизни.

Великое значеніе патріарха въ церкви Русской отражалось въ немалой степени и на самомъ хорѣ патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ. Патріаршіе пѣвцы всегда при исполненіи богослужебнаго пѣнія первенствовали предъ хорами пѣвчихъ великокняжескихъ, а тѣмъ болѣе предъ пѣвчими митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. При совмѣстномъ пѣніи этихъ хоровъ во храмѣ съ патріаршими пѣвцами, всегда патріаршіе пѣвчіе занимали правый клиросъ, а митрополичьи — лѣвый. Такъ было на память Алексѣя Митрополита, 20 мая 1687 г. въ Мо-

сковскомъ Успенскомъ соборѣ. Но независимо отъ іерархическихъ преимуществъ, самыя гражданскія права патріаршихъ пѣвцовъ были значительнѣе, чѣмъ прочихъ епархіальныхъ пѣвчихъ. Тогда какъ митрополичьи и прочіе епархіальные пѣвцы сравнивались вообще съ причетниками приходскихъ церквей, патріаршіе пѣвчіе діаки имѣли права монастырскихъ казначеевъ, а поддіаки — права старцевъ всѣхъ монастырей. Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (гл. 10, ст. 95) предписывалось: «а будетъ, кто нибудь, обезчеститъ патріаршихъ и митрополичьихъ и архіепископскихъ и епископскихъ діаковъ, или дѣтей боярскихъ, или иного чину домовыхъ людей, и на тѣхъ правити безчестіе. Патріаршимъ пѣвчимъ: 1-й станицѣ по семи рублевъ человѣку; 2-й станицѣ по пяти рублевъ человѣку. Поддіакамъ большихъ станицъ по пяти же рублевъ человѣку; а меньшихъ станицъ по три рубли человѣку».

Но и патріаршіе пѣвцы всегда уступали первенство государевымъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ. Въ крестныхъ ходахъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, когда соблюдается особый чередъ или постепенность, патріаршіе пѣвцы постоянно шли прежде пѣвчихъ государевыхъ. При погребеніи царевны Ирины Михайловны и царя Ѳеодора Алексѣевича, патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки шли предъ иконою,

а государевы пѣвчіе діаки и поддіаки шли и пѣли за патріархомъ передъ гробомъ. Когда богослужебное пѣніе въ храмѣ должны были исполнять и пѣвцы государевы, и пѣвцы патріаршіе: то государевы пѣвцы помѣщались на правомъ клиросѣ и предначинали пѣніе, а патріаршіе пѣвчіе діаки занимали лѣвый клиросъ. Эти видимыя преимущества государева хора пѣвчихъ въ совокупности со многими другими обстоятельствами, подавали нерѣдко поводъ къ тому, что патріаршіе пѣвчіе почитали особеннымъ счастіемъ перейти въ хоръ государевыхъ пѣвцовъ. Нѣкоторымъ это удавалось. Патріаршіе пѣвчіе діаки Ѳеодоръ Константиновъ и Богданъ Ивановъ въ 1652 году поступили въ государевы пѣвчіе діаки.

II.

Государевы пѣвчіе дьяки.

Православная церковь, для исполненія богослужебнаго пѣнія, всегда имѣла особыхъ пѣвцовъ при каждой епископской каѳедрѣ и при каждомъ соборномъ или приходскомъ храмѣ. Эти пѣвцы принадлежали къ сословію священнослужителей и поставлялись іерархическою властью, отъ которой они, по каноническимъ правиламъ, находились въ зависимости.

Древній обычай православной церкви дозволялъ пѣть въ храмѣ вмѣстѣ съ клиромъ народу. На этомъ основаніи въ русской церкви, съ самыхъ первыхъ временъ ея, православный народъ часто упражнялся въ пѣніи, любилъ его и вмѣстѣ съ клиромъ участвовалъ въ исполненіи при общественномъ богослуженіи. Такъ въ православныхъ храмахъ образовались пѣвцы-любители, не имѣвшіе никакого іерархическаго поставленія. По любви къ церковному пѣнію, по ревности къ

благолѣпію въ богослуженіи, пѣвцы-любители нерѣдко соединялись между собою въ бо́льшія или меньшія группы, и приблизительно составляли то, что нынѣ извѣстно подъ именемъ частнаго или вольнаго хора.

Съ утвержденіемъ русской столицы въ Москвѣ такой отдѣльный хоръ церковныхъ пѣвцовъ встрѣчается въ первый разъ при дворѣ великокняжескомъ, не ранѣе впрочемъ XV вѣка. Великокняжескіе пѣвцы считались въ придворной службѣ—діаками и пользовались отъ двора опредѣленнымъ содержаніемъ. Во второй половинѣ XVI вѣка содержаніе царскихъ діаковъ представляется уже въ довольно правильной системѣ. Царь Іоаннъ IV отличался особенною любовію къ церковному пѣнію [1]) и содержалъ при себѣ довольно значительное число діаковъ. Онъ часто, «за свое царево и великаго князя казенное жалованье», награждалъ своихъ пѣвчихъ діаковъ даннымъ приставствомъ надъ монастырями. Болѣе полное развитіе хора государевыхъ пѣвчихъ діаковъ совершилось въ XVII вѣкѣ. Къ этому

---

[1]) Онъ вполнѣ зналъ церковный знаменный роспѣвъ на безлинейныхъ нотахъ и въ Александровской слободѣ занималъ своихъ пѣвчихъ діаковъ положеніемъ на ноты такихъ стиховъ, которыя, по новости составленія, не имѣли еще нотнаго положенія. Самъ царь подавалъ въ этомъ примѣръ. Въ нотномъ рукописномъ стихирарѣ кн. Логина, помѣщены стихиры на «Господи воззвахъ» съ надписью «твореніе царя деспота росписьнаго».

времени относятся довольно подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ устройствѣ хора, а также о его содержаніи и значеніи. Они находятся въ рукописныхъ памятникахъ (столбцахъ), хранящихся въ архивѣ Московской оружейной палаты, которыми мы и воспользовались для настоящаго изысканія.

Дѣйствительное число государевыхъ пѣвчихъ діаковъ. слѣдуетъ строго отдѣлять отъ крестовыхъ діаковъ и отъ пѣвчихъ, взятыхъ въ прибыль. Крестовымъ діаками въ XVII вѣка обыкновенно назывались псаломщики придворныхъ храмовъ, принадлежавшіе къ штату придворныхъ церковнослужителей. Они, по своему значенію, были выше пѣвчихъ діаковъ, потому что имѣли на себѣ іерархическое поставленіе, и потому, что получали высшее, сравнительно съ пѣвчими діаками, содержаніе. Имъ выдавались деньги окладныя, кормовыя, славленыя. причастныя и молебенныя, а также причастныя сукна, на великій и на успенскій посты. Поэтому въ крестовые діаки обыкновенно поступали только лучшіе по голосу пѣвчіе діаки, много уже времени послужившіе въ хорѣ.

Пѣвчіе діаки, взятые въ прибыль, были ниже дѣйствительныхъ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ: они не значились въ окладныхъ книгахъ, потому что не были верстаны окладомъ. Въ 1668 г. пѣвчій діакъ Василій Ярославецъ писалъ: «взятъ

я въ пѣвчіе діаки, а окладу мнѣ ничего не не учинено, а которые моя братія пѣвчіе діаки окладомъ не поверстаны, и имъ даютъ изъ мастерской палаты по шести рублей денегъ человѣку, да съ казеннаго двора дѣлаютъ платье годовое, а мнѣ противъ моей братіи денегъ и платья на три года ничего не дѣлывано». Число неокладныхъ пѣвчихъ діаковъ простиралось отъ 70 до 100 человѣкъ. Цѣль, съ какою положено было имѣть такихъ пѣвчихъ въ хорѣ, очевидна: ими легче было замѣнять недостатокъ голосовъ, происходящій въ хорѣ и такимъ образомъ имѣть хоръ постоянно въ полномъ составѣ обученныхъ голосовъ. Пѣвчіе, не въ окладѣ, своею безвозмездною и иногда довольно продолжительною службою, пріобрѣтали себѣ право занять первое убылое мѣсто штатнаго пѣвчаго.

Собственно же государевы пѣвчіе діаки составляли собою первоначально небольшой хоръ отъ 30 до 35 человѣкъ. Но этотъ хоръ постоянно увеличивался въ своемъ составѣ. Около послѣдней четверти XVII вѣка хоръ государевыхъ пѣвчихъ діаковъ увеличился вдругъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился въ своемъ составѣ, такъ что изъ прежнихъ пѣвчихъ едва ли осталась одна третья часть. Въ это время число государевыхъ пѣвчихъ діаковъ простиралось отъ 50 до 60, а къ концу вѣка достигло до 70 человѣкъ. Такое быстрое увеличеніе хора объясняется сильнымъ

развитіемъ гармоническаго пѣнія въ хорѣ, а также увеличеніемъ числа придворныхъ храмовъ.

Весь хоръ государевыхъ пѣвчихъ діаковъ раздѣлялся въ XVII вѣкѣ на станицы, которыхъ бывало и шесть и семь. Въ каждой станицѣ числилось обыкновенно пять пѣвчихъ. Увеличеніе станицы допускалось только въ видѣ особаго исключенія. Дѣленіе пѣвчихъ на станицы имѣло чисто административное значеніе и тѣсную связь съ продолжительностью службы пѣвчаго, съ его голосовымъ совершенствомъ и искусствомъ въ исполненіи. Поэтому первыя двѣ станицы всегда состояли изъ пѣвчихъ, долго служившихъ въ хорѣ, и искусныхъ исполнителей богослужебнаго пѣнія. Въ этомъ же заключается главная причина и того, что каждая изъ этихъ двухъ станицъ составляла отдѣльный хоръ: при исполненіи богослужебнаго пѣнія, первая станица государевыхъ пѣвчихъ діаковъ всегда становилась на правый клиросъ, а вторая на лѣвый. Такое-же церковное значеніе могли имѣть третья и четвертая станицы. Но его нельзя усвоять пятой и шестой станицамъ, потому что къ нимъ принадлежали новые, молодые, неопытные пѣвчіе, которые ни по совершенству голосовъ, ни по искусству въ исполненіи не могли составить никакого отдѣльнаго хора и составляли только полезное дополненіе опытнаго хора первыхъ станицъ. Такимъ образомъ въ общемъ смыслѣ станица имѣла ни

болѣе, ни менѣе какъ одно административно-экономическое значеніе и опредѣляла только содержаніе, какое полагалось всякому пѣвчему, состоявшему въ окладѣ. Самыми почетными станицами считались первая и вторая и потому назывались большими станицами. Молодой пѣвчій, поступивъ въ царскій хоръ, зачислялся первоначально въ низшую, седьмую или шестую станицу и получалъ обыкновенно небольшое содержаніе; по мѣрѣ же службы своей и усердія къ ней, пѣвчій постепенно переходилъ изъ низшей станицы въ высшую, болѣе почетную, и, подвигаясь такимъ образомъ по установленной лѣстницѣ станицъ, достигалъ наконецъ до станицъ почетныхъ и до высшаго содержанія. Единственное повышеніе пѣвчаго первой станицы состояло въ награжденіи его чиномъ уставщика, или даже крестоваго діака. Въ уставщики обыкновенно избирался пѣвчій первой станицы, который обладалъ твердымъ голосомъ, большею частію баритономъ, имѣлъ опытное знаніе церковнаго пѣнія и всего порядка въ церковномъ богослуженіи. Подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ уставщика находились всѣ станицы государевыхъ пѣвчихъ діаковъ. Онъ, какъ полный начальникъ хора собственно въ художественномъ и церковномъ смыслѣ, обучалъ пѣвчихъ нотному пѣнію, управлялъ имъ, наблюдалъ въ немъ порядокъ, указанный церковнымъ уставомъ. Такимъ образомъ хоръ госу-

даревыхъ пѣвчихъ, съ своимъ уставщикомъ или начальникомъ, не смотря на видимое дѣленіе на станицы, представлялъ собою одно цѣлое.

Раздѣленіе полнаго хора государевыхъ пѣвчихъ діаковъ на станицы продолжалось до послѣдней четверти XVII вѣка. Въ это время государевы пѣвчіе діаки получили новое дѣленіе, которое, уничтожая собою давній административный порядокъ, вводило въ управленіе хоромъ не внутреннее административное, но общее церковное правило. Сообразно съ нимъ весь хоръ пѣвчихъ діаковъ былъ разчисленъ по придворнымъ храмамъ, такъ что изъ одного хора составилось столько отдѣльныхъ пѣвческихъ хоровъ, сколько находилось тогда придворныхъ храмовъ.

По этому случаю образовалось званіе крестоваго пѣвчаго діака и явились крестовые пѣвчіе Спасскаго собора или Спаса Нерукотвореннаго Образа,—пѣвчіе церкви Іоанна Бѣлоградскаго или, впослѣдствіи, церкви св. Пророка Іоанна Предтечи,—пѣвчіе Собору живоноснаго Христова Воскресенія, — пѣвчіе церкви преподобномученицы Евдокѣи, что у него великаго государя вверху на сѣняхъ. Каждый отдѣльный хоръ состоялъ изъ 28, 12 и 13 человѣкъ, имѣлъ своего особаго уставщика, и при исполненіи богослужебнаго пѣнія, сообразно требованіямъ церковнаго устава, раздѣлялся на двѣ части, т. е. становился или на правомъ, или на лѣвомъ клиросѣ.

Вмѣстѣ съ симъ каждый особый хоръ, причисленный къ извѣстному придворному храму, получилъ и усвоилъ себѣ его значеніе, такъ что чѣмъ выше былъ придворный храмъ въ придворной іерархіи, тѣмъ большимъ почетомъ пользовался и приписанный къ нему хоръ. Такимъ образомъ во взаимныхъ отношеніяхъ между частными придворными хорами образовался, соотвѣтственно значенію придворныхъ храмовъ, особенный чинъ или порядокъ. Первенствующее мѣсто между всѣми придворными хорами принадлежало пѣвчимъ діакамъ спасскимъ. Эти степени разныхъ, нынѣ почти неуловимыхъ, правъ и преимуществъ, усвоенныхъ каждому придворному хору, создали между пѣвчими систему переходовъ изъ одного придворнаго хора въ другой. Пѣвчіе, принадлежавшіе къ хору съ меньшимъ значеніемъ, естественно стремились принадлежать къ хору съ большимъ значеніемъ въ придворной іерархіи.

Отдѣльные придворные хоры, приписанные къ отдѣльнымъ придворнымъ храмамъ, очень скоро получили прочную самостоятельность и стали называться по лицамъ царствовавшаго дома. Въ актахъ, относящихся къ 1684 г., можно находить уже—пѣвчихъ діаковъ государыни царицы Наталіи Кириловны и государыни царицы Марѳы Матвѣевны, а также пѣвчихъ діаковъ великаго государя Іоанна Алексѣевича,—пѣвчихъ діаковъ великаго государя Петра Алексѣевича,—

пѣвчихъ діаковъ великіе княжны Евдокіи Алексѣевны. Частныя названія придворныхъ хоровъ нѣсколько позднѣе получили большую силу и оставались за пѣвчими даже въ началѣ XVIII вѣка. Каждый частный хоръ придворныхъ пѣвчихъ состоялъ изъ 20 человѣкъ. Собственно государевы пѣвчіе были лучшими по своимъ голосамъ и по искусству въ исполненіи, и потому въ средѣ прочихъ придворныхъ пѣвцовъ считались самыми почетными.

Съ государевыми пѣвчими діаками въ церковномъ отношеніи могъ соперничать только хоръ патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ, потому что только этотъ хоръ стоялъ во главѣ всѣхъ прочихъ церковныхъ хоровъ, существовавшихъ въ XVII вѣкѣ. Дѣйствительно, хоръ государевъ и хоръ патріарховъ, во все продолженіе XVII вѣка, находились въ постоянномъ между собой соприкосновеніи, и несмотря на свою взаимную независимость, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Оба эти хора неоднократно и безъ всякаго препятствія мѣнялись своими членами. Переходъ изъ патріаршихъ пѣвчихъ въ государевы пѣвчіе считался выше и почетнѣе. Государевы пѣвчіе при исполненіи богослужебнаго пѣнія вмѣстѣ съ патріаршими пѣвчими всегда имѣли предъ ними особенное преимущество. Оно состояли въ томъ, что государевы пѣвчіе въ храмѣ всегда занимали правый клиросъ и предначинали пѣніе, а патрі-

аршіе пѣвчіе при этомъ становились на лѣвомъ клиросѣ, т. е. на менѣе почетномъ мѣстѣ. Въ крестныхъ ходахъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, когда соблюдался особенно строгій порядокъ, государевы пѣвчіе, какъ старшіе, всегда шли послѣ патріаршихъ пѣвчихъ, какъ младшихъ. При погребеніи царевны и великой княжны Ирины Михайловны и царя Ѳеодора Алексѣевича предъ иконою шли патріаршіе пѣвчіе діаки, а предъ гробомъ за патріархомъ шли и пѣли государевы пѣвчіе діаки.

Въ гражданскомъ отношеніи государевы пѣвчіе діаки пользовались всѣми правами преимуществами лицъ, состоявшихъ на службѣ при царскомъ дворѣ. Они принадлежали къ придворнымъ чинамъ, такъ что въ современныхъ указахъ о томъ, кому изъ придворныхъ чиновъ и сколько давать жалованья, всегда упоминались пѣвчіе діаки и «нарѣчнаго пѣнія пѣвцы». Жалованье государевыхъ пѣвчихъ діаковъ причислялось къ дворцовымъ расходамъ. Такое значеніе пѣвчихъ діаковъ при царскомъ дворѣ совершенно ограждало личность каждаго пѣвчаго діака, ибо общій гражданскій законъ повелѣвалъ «за безчестье разныхъ чиновъ платить имъ противъ ихъ окладовъ, что кому государева жалованья». Вмѣстѣ съ тѣмъ государевы пѣвчіе діаки, пока находились въ хорѣ, постоянно сохраняли за собою права, принадлежавшія имъ или по рожденію, или

по государственной службѣ. Пѣвчіе изъ дворянъ пользовались правомъ имѣть помѣстья и крѣпостныхъ людей, а также принимать на нихъ служилыя кабалы. Въ 1679 году стремянный конюхъ Матѳѣй Поляниновъ пожалованъ былъ въ пѣвчіе діаки, но не лишенъ былъ права на помѣстье, которое по уложенію соединялось со званіемъ стремяннаго конюха. При царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, права на холопство распространены были на всѣхъ государевыхъ пѣвчихъ діаковъ. Въ это время состоялось дозволеніе пѣвчимъ діакамъ имѣть при себѣ холопство изъ волныхъ людей, кто къ нимъ «станетъ въ холопство бить челомъ». Холопство при пѣвчихъ діакахъ закрѣплялось служилыми кабалами, которыя выдавались въ Приказѣ холопья суда, «и въ городѣхъ, и въ съѣзжихъ избахъ». Для государева пѣвчаго, состоявшаго не въ окладѣ. было великимъ торжествомъ, когда онъ получалъ извѣстіе о пожалованіи его въ пѣвчіе діаки, т. е. о назначеніи ему опредѣленнаго содержанія. Содержаніе пѣвчаго діака, по современнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ представлялось содержаніемъ вполнѣ удовлетворительнымъ даже для семейной жизни.

Государевы пѣвчіе діаки имѣли свои собственные дома и дворы, которые находились въ разныхъ мѣстностяхъ столицы и иногда въ значительномъ разстояніи отъ царскаго дворца. Тогда

какъ одни пѣвчіе діаки жили межъ Тверской и Никитской улицъ, или за Пречистенскими воротами—другіе находились за Москвою рѣкою, т. е. отстояли отъ мѣста службы пѣвчихъ, Кремля и дворца, по крайней мѣрѣ версты на двѣ, если не болѣе. Собственные дома государевыхъ пѣвчихъ діаковъ не отличались ни своею обширностію, ни своею цѣнностію,—нерѣдко находились на бѣлой или тяглой землѣ и въ послѣднемъ случаѣ оплачивались еще довольно высокимъ ежегоднымъ оброкомъ. Само собою разумѣется, что государевы пѣвчіе діаки могли имѣть собственные дома и дворы только тогда, когда получали ихъ по наслѣдству, или пріобрѣтали покупкою. Немногіе изъ нихъ могли признать Москву своею родиною; немногіе также являлись въ Москву съ достаточными денежными средствами. Большая часть государевыхъ пѣвчихъ діаковъ приходила въ Москву изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ, и притомъ съ крайне ограниченнымъ достаткомъ. Такіе пѣвчіе, по издавна заведенному порядку, получали для жительства своего или порожнее дворовое мѣсто или совсѣмъ готовый дворъ и домъ.

На данномъ дворовомъ мѣстѣ, которое ничѣмъ не было занято и лежало пустыремъ, государевы пѣвчіе діаки строили дома единственно на собственныя средства, или съ небольшимъ пособіемъ отъ государевой казны. Готовые дома для госу-

даревыхъ пѣвчихъ діаковъ находились въ вѣдѣніи Приказа большого дворца и Приказа тайныхъ дѣлъ. Они были старые и новые. Старые дворы оставались послѣ пѣвчихъ и крестовыхъ діаковъ; эти дворы, вѣроятно, не отличались особенною прочностію. Покупка готовыхъ домовъ для пѣвчихъ діаковъ производилась Приказомъ тайныхъ дѣлъ, большею частію по низкой, а иногда и по довольно высокой цѣнѣ. Дворы, данные государевымъ пѣвчимъ діакамъ, были не очень обширны, отъ 25 до 70 кв. сажень. Понятно, что на такомъ ограниченномъ пространствѣ не могло быть значительныхъ построекъ. Въ каждомъ данномъ домѣ обыкновенно помѣщался одинъ государевъ пѣвчій діакъ; но бывали примѣры, что временное владѣніе однимъ домомъ предоставлялось двумъ и тремъ пѣвчимъ діакамъ вмѣстѣ. Передача домовъ отъ одного пѣвчаго къ другому, не только по смерти, но даже еще при жизни стараго владѣльца, составляла очень обыкновенное явленіе въ XVII в.

Временные владѣльцы не имѣли права продавать данный домъ и закладывать его. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ пѣвчіе діаки распоряжались даннымъ домомъ, какъ полные хозяева - собственники, заботились объ улучшеніи и поддержкѣ своего жилища, производили въ немъ необходимыя перемѣны и исправленія, пользуясь иногда небольшимъ пособіемъ отъ царской казны.

Въ 1680 г. «великій государь указалъ Собора Спаса Нерукотвореннаго Образа да церкви преподобномученицы Евдокіи и Іоанна Бѣлоградскаго, что у него въ верху, протопопу, священникомъ и діакономъ и крестовымъ и пѣвчимъ діакомъ 74 человѣкамъ изъ приказу каменныхъ дѣлъ дать своего государева жалованья кирпичу пѣвчимъ діакомъ по 500 кирпичей человѣку, а деньги за тотъ кирпичъ указалъ изъ приказу своей мастерской палаты въ приказъ каменныхъ дѣлъ взять по своей государевой цѣнѣ, по 26 алтынъ по 4 деньги, т. е. по 1 р. 80 к.». Послѣ пожаровъ, которые въ XVII в. были очень нерѣдки въ Москвѣ, пѣвчіе діаки, лишившіеся даннаго дома, на мѣстѣ его строили себѣ новое жилье на собственныя деньги.

Суммы, которыя выдавались пѣвчимъ діакамъ, составляли жалованье окладное, хлѣбное и славленое. Въ 1671 г. государь царь Алексѣй Михайловичъ указалъ «пѣвчему діаку Прокофію Никитину быть въ 3-ей станицѣ въ путникахъ и въ годовомъ денежномъ и въ хлѣбномъ жалованьи, въ славленыхъ деньгахъ».

Годовое денежное жалованье, или денежный окладъ, выдавался пѣвчимъ діакамъ изъ казеннаго приказу, въ разныхъ размѣрахъ, соотвѣтственно станицѣ и значенію пѣвчаго въ станицѣ. Пѣвчіе діаки первой станицы получали большее денежное жалованье, послѣдней станицы—

меньшее. Количество большаго и меньшаго жалованья въ XVII вѣкѣ также было различно. Въ 1659 году большій окладъ не превышалъ 6 р., а меньшій—3 р.; но, въ продолженіе всего полувѣка постоянно и постепенно возвышаясь, въ 1701 году большій денежный окладъ достигъ до 100 руб., и меньшій до 28 р.

Хлѣбное жалованье первоначально состояло изъ опредѣленнаго количества ржи и овса. Но въ 1692 году состоялось повелѣніе выдавать пѣвчимъ діакамъ за хлѣбъ деньгами. Эти деньги назывались иногда кормовыми и выдавались по окончаніи года.

Славленныя деньги собирались пѣвчими діаками въ праздники Рождества Христова и Пасхи. Наканунѣ Рождества Христова діаки приходили къ Государю царю, часу въ 3-мъ ночи, вмѣстѣ съ патріаршими пѣвчими діаками, и «государь жаловалъ ихъ питьемъ ковшами». На другой день Пасхи пѣвчіе діаки приходили къ Царю вмѣстѣ съ причтами придворныхъ храмовъ, и послѣ славленья, «государь жаловалъ къ рукѣ и яйцы и уставщиковъ, и пѣвцовъ и крестовыхъ діаковъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвчій получалъ славленое. Въ первую половину XVII в. каждый пѣвчій получалъ славленое особо и въ количествѣ, которое соразмѣрялось съ большимъ или меньшимъ искусствомъ въ пѣніи. «Царь давалъ имъ иногда по 5 р. человѣку, а иногда по пол-

тинѣ, и сверхъ того жалованья иному даже изъ собственныхъ рукъ рубль или два, если какой вспѣвакъ особенно отличался» [1]). Въ послѣдствіи дача славленаго по рукамъ замѣнена была постоянною и опредѣленною выдачею славленыхъ денегъ изъ Приказа большаго дворца. Послѣ Государя царя, пѣвчіе его ходили славить Христа къ царицѣ, царевичамъ, царевнамъ и къ патріарху: отвсюду выдавались имъ славленыя деньги, которыя съ точностію записывались въ расходныхъ книгахъ. Въ 1697 г. «26 декабря послѣ литургіи благовѣрная государыня царица великая княгиня Прасковья Ѳедоровна выдала славленаго уставщику Ѳедоту Ухтомскому одинъ рубль, пѣвчимъ діакамъ 2 р. 16 алт. 4 деньги, крестовымъ діакамъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ». Кромѣ того государь назначалъ своимъ пѣвчимъ діакамъ славить Христа у діаковъ, служившихъ въ разныхъ современныхъ приказахъ». Въ 1677 г. нѣкоторые изъ діаковъ не пустили было къ себѣ государевыхъ славильщиковъ; по этому случаю велѣно было сказать имъ, что они «учинили то дуростію своею не гораздо, и такого безстрашія никогда не бывало, что его государевыхъ пѣвчихъ діаковъ, которые отъ него великаго государя славить ѣздятъ, на дворы къ

---

[1]) Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскаго народа. М. 1862 г. т. I, стр. 308.

себѣ не пущать; и за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно, и никакихъ почестей и поминковъ ни у кого ничего и ни отъ какихъ дѣлъ не имать. А буде кто, чрезъ сей его государевъ указъ объявится въ самомъ маломъ взяткѣ, или корысти, и имъ за то быти въ наказаньи». Попеченія о числѣ мѣстъ, гдѣ бы могли славить государевы пѣвчіе діаки, а равно и о количествѣ выдаваемаго имъ славленаго не прекращались и не оставались безплодными и въ послѣдующія ближайшія времена. Одежда государевыхъ пѣвчихъ діаковъ, покроемъ своимъ, а также по матеріаламъ, изъ которыхъ она изготовлялась, имѣла весьма замѣтное однообразіе, такъ что составляла какъ бы опредѣленную форму для всѣхъ пѣвчихъ діаковъ, служившихъ при царскомъ дворѣ. Государевы пѣвчіе діаки, кромѣ бѣлья, постельнаго прибора и сапоговъ, получали платье прихожее, ходильное, доброе и проѣзжее.

Платье прихожее выдавалось пѣвчему изъ Мастерской палаты немедленно по вступленіи его въ Государевы пѣвчіе. Оно состояло изъ четырехъ кафтановъ, шапки, рукавицъ и суконныхъ аглицкихъ штановъ.

Одна пара кафтановъ (однорядокъ) была верхнею, а другая исподнею. Верхніе кафтаны были суконные, одинъ подкармазиновый съ бѣличьимъ хребтовымъ исподомъ и шестью серебряными,

иногда вызолоченными, пуговицами, другой—суконный аглицкій съ русачьимъ исподомъ.

Исподніе кафтаны были матерчатые: тафтяный съ шестью серебряными пуговицами, и киндячный съ пуговицами шелковыми.

Шапка и рукавицы дѣлались изъ сукна; на шапку нашивался соболь, а рукавицы были съ песцовымъ исподомъ и бобровою по краямъ опушкою. Все прихожее платье обходилось, по тогдашнему въ 20 р. и выдавалось или въ готовомъ видѣ, т. е. уже сшитымъ, или въ ту же цѣну одними матеріалами. Платье ходильное или носильное выдавалось обыкновенно для ежедневнаго употребленія. Оно состояло изъ однорядки, двухъ ферязей, двухъ кафтановъ, штановъ, шапки и рукавицъ. Ходильная однорядка изготовлялась изъ сукна вишневаго или полукармазина, съ хомзянною нашивкою, серебряными пуговицами и подпушкою изъ дорогъ (матеріи).

Ходильныя ферязи, холодная и теплая, были изъ киндяка. Холодная ферязь—съ шелковыми нашивками, подкладывалась крашениною. Теплая ферязь, съ шелковыми завязками, подкладывалась мѣхомъ или просто русачьимъ (заячьимъ), или бѣлымъ хребтовымъ съ черевыми рукавами и бобровою выпушкою.

Кафтаны, которые иначе назывались зипуномъ и полукафтаньемъ, холодный и теплый, дѣлались изъ дорогъ съ пуговицами, обшитыми зо-

лотомъ. Теплый доригильный кафтанъ, кармазиноваго цвѣту, настилался хлопчатою бумагою, подкладывался крашениною съ выпушкою изъ киндяка. Штаны изготовлялись изъ аглицкаго сукна, багрецоваго или краснаго цвѣта. Шапка ходильная была суконная, съ бобровымъ или собольимъ околомъ и камчатною тульею. Рукавицы дѣлались изъ сукна, съ лисьими исподами и бобровыми обочинами. Все ходильное платье обходилось обыкновенно въ 17 рублей и 19 алтынъ, т. е. 17 р. 57 коп.

Доброе платье выцавалось діакамъ для употребленія его въ праздничные и торжественные дни. Пѣвчіе діаки надѣвали его только въ господскіе праздники и въ государскіе имянины. Доброе платье состояло изъ однорядки, двухъ ферязей, двухъ полукафтаньевъ и шапки. Добрая однорядка строилась изъ сукна вишневаго и свѣтловишневаго, кармазина добраго. Она имѣла завязки (плетешекъ) шелковыяя, въ столбцахъ и въ кистяхъ золото; тафтяную нашивку (торочекъ) 14 пуговицъ серебряныхъ, золоченыхъ или изъ финифты, обшита была 12 арш. золотнаго галуна, подпушивалась камчаткою, зеленою камкою или атласомъ. Добрыя ферязи,—холодная и теплая—изготовлялись изъ кармазина. Исподы теплой ферязи—бѣлыи хребтовые съ пухи. У обѣихъ ферязей— завязки шелковы и кисти шелковыя съ золотомъ, около шеи—плетешокъ золотной, под-

кладка крашенинная. Полукафтанье доброе, или иначе кафтанъ, изъ камчатки, тафты и атласа, подкладывалось крашениною или киндякомъ, подпушивалось дорогами или тафтою, обшивалось 12 арш. галуна—золото съ серебромъ и узлами—снурокъ золотной, съ пуговицами или серебряны или обшивные золотомъ. Бархатная червчатая шапка имѣла околы соболи, тульи дорогильные. Все устройство праздничнаго платья съ матеріаломъ и работою обходилось въ 23 и 24 тогдашнихъ рубля.

Проѣзжее или походное платье устроялось пѣвчимъ діакамъ для путешествій съ царемъ, довольно частыхъ въ XVII в. Царскіе походы. или объѣзды, лѣтніе и зимніе, были близкіе и дальніе. Къ близкимъ походамъ должно отнести походы въ село Коломенское и на Воробьевы горы Въ 1675 г. 8-го іюля, великій государь праздновалъ Пречистой Богородицѣ Казанской въ селѣ Коломенскомъ, а 27 августа слушалъ обѣдню на Воробьевой горѣ въ полотняной церкви, и въ оба эти дня пѣли пѣвчіе великаго государя, на оба клироса. Дальніе походы совершались государями царями въ Переславль, Колязинъ, Кашинъ, Соловецкій монастырь, въ Азовъ, Дербентъ и на Воронежъ. Но чаще всего царскіе походы предпринимались въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Во всѣхъ этихъ походахъ участвовали и пѣвчіе діаки, въ количествѣ 12 и 25 человѣкъ. Нѣкоторые

изъ троицкихъ походовъ начинались торжественнымъ всеобщимъ выѣздомъ. Въ 1680 г. 21-го сентября царь Ѳедоръ Алексѣевичъ предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Троицкій монастырь ходилъ на молитву въ Успенскій соборъ. «А съ его государева двора въ то время ѣхали Кремлемъ въ Спасскія ворота уставщикъ Павелъ Михайловъ, за нимъ пѣвчихъ діаковъ 10 человѣкъ по 3 человѣка въ рядъ въ греческомъ платьѣ; за тѣмъ везли крестовый возокъ; за возкомъ ѣхали пѣвчіе жъ діаки Осипъ Сѣдой съ товарищами; за нимъ ѣхали пѣвчіе по 2 человѣка въ рядъ, въ греческомъ платьѣ; за ними ѣхали Спасскаго собора Нерукотвореннаго Образа, что у него, великаго государя, вверху, протопопъ Иванъ Лазаревъ, того жъ собора священники и діаконы въ каретѣ, а за каретою пѣвчихъ три человѣка». По случаю походовъ, пѣвчимъ діакамъ выдавались на дорогу деньги и дорожное платье, которое въ сохранившихся записяхъ извѣстно подъ именемъ платья проѣзжаго или на проѣздъ. Оно состояло изъ доломана, курты да полукурты, епанчи, кафтана и рукавицъ.

Сроки для каждаго платья сообразовались съ болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ его. Ходильное платье должно было служить два года, а праздничное — четыре года. Практика вполнѣ оправдывала положеніе сроковъ. Многіе пѣвчіе, по миновапіи сроковъ, часто вовсе не брали но-

ваго платья или брали его не вполнѣ, и за то получали или деньги или другіе товары. Довольно рѣдки примѣры того, когда пѣвчіе поставлены были въ необходимость говорить, что они одеженкою обносились и выбрести имъ стало не въ чемъ. Въ такомъ случаѣ не рѣдко старое платье для пѣвчихъ чинили, разставляли и подставляли. Главнымъ пособіемъ къ содержанію одежды въ должномъ порядкѣ служили пѣвчимъ, такъ называемыя, годовыя сукна. Годовое сукно выдавалось пѣвчимъ діакамъ съ казеннаго двора погодно или «по все годы». Оно было аглицкое разныхъ цвѣтовъ, смотря по тому какіе были въ привозѣ.

Независимо отъ того содержанія, какое пѣвчіе діаки получали какъ бы по штату, въ самомъ опредѣленномъ количествѣ, они весьма часто имѣли случай пользоваться отъ царя содержаніемъ приказнымъ, т. е. такимъ, которое назначалось единовременно, въ приказъ, или, что тоже, въ видѣ награды.

Въ 1683 г. «великіе государи указали дать пѣвчему діаку Ларіону Бурмистрову въ приказъ 10 аршинъ камки жаркой, а иному никому та дача невобразецъ».

Такіе подарки или награды «невобразецъ» бывали для пѣвчихъ діаковъ не рѣдки. Въ 1678 г. «царь Ѳедоръ Алексѣевичъ пожаловалъ пѣвчаго діака Никифора Симонова, велѣлъ ему дать изъ

своей великаго государя сѣдельной казны сѣдло въ войлоки».

Различныя царскія награды, раздававшіяся пѣвчимъ діакамъ, всегда имѣли какой-либо поводъ. въ связи съ которымъ самыя награды дѣлались для пѣвчаго діака болѣе памятными и дорогими. Современный строй жизни представлялъ не мало поводовъ къ наградамъ.

Когда при царскомъ дворѣ часто совершались различныя торжества, то радостныя, то печальныя, какъ напр.: рожденіе, крещеніе или погребеніе особъ царскаго семейства, пѣвчіе діаки являлись участниками царскаго торжества собственно со стороны церковно-обрядовой. Часто это выходило за предѣлы прямыхъ обязанностей пѣвчаго діака и потому давало царю поводъ наградить своихъ пѣвчихъ, выдать имъ подарокъ въ приказъ, а на въ окладъ, т. е. не въ счетъ окладнаго опредѣленнаго жалованья. По кончинѣ государей и прочихъ лицъ царскаго семейства, пѣвчіе діаки, вмѣстѣ съ діаками крестовыми, въ продолженіе 40 дней читали псалтирь. «Въ 1678 г. іюля 30 дня, по указу великаго государя царя Ѳеодора Алексѣевича, розданы великаго государя жалованья за говоренье псалтири уставщику и крестовымъ и пѣвчимъ діакамъ. которые въ соборной церкви Архангела Михаила говорили псалтирь по отцѣ ево государеве блаженныя памяти по великомъ государѣ царѣ и

великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ». Царь, немедленно по кончинѣ каждаго патріарха, «своего отца и богомольца», имѣлъ обычай посылать первую и вторую станицу, т. е. лучшихъ своихъ пѣвчихъ на выносъ и отпѣваніе патріарха. Этимъ оказывался послѣдній долгъ почтенія и уваженія къ почившему іерарху русской церкви. Пѣвчіе же государевы въ этомъ случаѣ удостоивались получать награду. источникомъ которой служила казна, остававшаяся послѣ патріарха. На выносѣ тѣла патріарха Іосафа, 29 ноября 1640 г., была первая станица государевыхъ пѣвчихъ діаковъ и получила 1 р. 50 к.; на погребеніе того же патріарха были двѣ станицы государевыхъ пѣвчихъ діаковъ и получили первая станица три рубля, а вторая два рубля пятьдесятъ копѣекъ. Всѣ подобныя награды выдавались, какъ-бы должныя вознагражденія, за частную службу дьяковъ и представлялись тогда столь естественными, что сами діаки осмѣливались просить о нихъ. Въ челобитной 1650 г. къ Государю Царю пѣвчіе писали: «какъ Богъ даровалъ царевича князя Дмитрія Алексѣевича и намъ за крещеніе дано противъ прежнихъ дачъ, пожалуй и нынѣ насъ для своего многолѣтнаго здравія и для царевны Евдокѣи Алексѣевны за крещеніе, какъ тебѣ Богъ извѣститъ».

Такимъ образомъ ни одинъ трудъ пѣвчаго діака, не имѣвшій, повидимому, прямой связи

съ исполненіемъ богослужебнаго пѣнія въ придворныхъ храмахъ, не оставался безъ награды отъ царя. Примѣры этого, въ разныхъ видахъ, принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ явленіямъ въ XVII в. Въ 1659 г. велѣно было «дать изъ Мастерскіе палаты государева жалованья ево государевымъ крестовымъ и пѣвчимъ діакамъ за то, что они встрѣчали Образъ Спасовъ, что былъ съ бояриномъ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукова стоварищи; да Образъ Пречистыя Богородицы, что былъ на свейскомъ посольствѣ съ бояриномъ со княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ стоварищи, и Образъ Пречистыя Богородицы Владимірскіе полоцкіе провожали съ Москвы». Въ томъ же году царь Алексѣй Михайловичъ «пожаловалъ пѣвчаго діака Ивана Никифорова съ казеннаго двора пять аршинъ тафты для того, что онъ поднесъ ему св. мученицъ Софіи, Вѣры Надежды и Любви праздникъ», т. е. праздничную икону.

Вмѣстѣ съ симъ діаки пользовались отъ Царя такими наградами, которыя могутъ быть объяснены единственно только царскою милостію. При этомъ не забывались даже ближайшіе родственники пѣвчаго, которые сами лично никогда не принадлежали и не могли принадлежать къ хору пѣвчихъ діаковъ. Тотъ же самый видъ царской милости, выражавшійся въ разныхъ наградахъ и поощреніяхъ, принималъ по кончинѣ пѣвчаго осо-

бенное значеніе царской благотворительности. Вдовы пѣвчаго діака, вскорѣ по кончинѣ его, получали все заслуженное и еще не принятое имъ денежное и хлѣбное жалованье и годовое сукно, а не рѣдко также особыя деньги на необходимые расходы при погребеніи умершаго.

Сироты государевыхъ пѣвчихъ діаковъ попеченіемъ власти распредѣлялись по разнымъ мѣстамъ, соотвѣтственно ихъ способностямъ и познаніямъ. Тѣ изъ нихъ, которые умѣли читать и писать, опредѣлялись къ служилымъ мѣстамъ. Такъ напр., сынъ пѣвчаго діака Луки Алексѣева, несмотря на то, что былъ еще «въ малыхъ лѣтахъ и ни въ какой чинъ не пожалованъ», опредѣленъ былъ «въ Мастерскую палату, въ молодыя подъячишки». Но какъ грамотность въ то время не особенно была развита, то дѣти пѣвчихъ діаковъ причислялись только по царскимъ богомольцамъ на полное содержаніе Царя. Сынъ пѣвчаго діака, сирота Сенька Ивановъ въ 1687 г. пожалованъ былъ въ царскіе богомольцы и велѣно ему быть вверху. Ему дали кожанный тюшакъ, набитый оленьею шерстью, потому что онъ жаловался, что ему «постлать и одѣться нечимъ».

Государевы пѣвчіе діаки избирались большею частію уже изъ пѣвчихъ, много времени служившихъ въ другихъ современныхъ хорахъ и прославившихся своимъ голосомъ и знаніемъ церковнаго пѣнія. Хоръ святѣйшаго патріарха не

рѣдко уступалъ свои лучшіе голоса хору государевыхъ пѣвчихъ. Примѣру патріаршаго хора подражали и прочіе хоры русскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, такъ что въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ всегда можно было встрѣтить отборные голоса изъ всей Россіи.

Въ это время всѣ значительныя области и города имѣли своихъ родичей въ Государевомъ хорѣ. Государевъ пѣвчій діакъ Максимъ Аѳанасьевъ происходилъ изъ Сибири и принадлежалъ къ хору сибирскаго архіепископа. «Въ прошломъ 1691 г., писалъ онъ въ своей челобитной къ государю, волочился я въ Сибирь, по твоему указу, по женишку и по дѣтишекъ больши года, и безъ меня моей братьѣ молодымъ пѣвчимъ діакомъ дѣлано платье ходильное, а я, волочася въ Сибирь, что было денжонокъ и платьишка, и то все изпроѣхалъ и обдолжалъ великими долгами, а указано было на подъемъ денегъ дать сибирскому архіепископу Симеону, и мнѣ денегъ не дано ничего, а пріѣдучи къ Москвѣ четвертой годъ скитаюсь межъ дворъ. Пожалуй, для своего царскаго многолѣтнаго здоровья и для ради своего ангела Алексѣя человѣка Божія, вели противъ моей братьи мнѣ сдѣлать платье для моей скудости».

О качествахъ голосовъ въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ современные акты упоминаютъ очень кратко; но и эти свѣдѣнія, при всей своей

краткости, становятся довольно ясными, когда они будутъ надлежащимъ образомъ сопоставлены съ самыми нотными книгами, по которымъ государевы пѣвцы исполняли свое пѣніе въ храмѣ. Въ первую и отчасти вторую половину XVII в. въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ діаковъ находились уставщики, демественники, вершники, нижники, путники. Названіе уставщика, какъ мы уже видѣли, принадлежало главному и начальному пѣвчему и означало болѣе его обязанность руководить хоръ во время пѣнія; онъ всегда избирался изъ твердыхъ голосовъ, большею частію баритоновъ. Прочія же названія даны пѣвчимъ діакамъ отъ ихъ умѣнья пѣть по строчнымъ безлинейно-нотнымъ книгамъ, т. е. такимъ, гдѣ надъ одною строкою текста находилось двѣ, три, а иногда и болѣе строкъ безлинейныхъ нотныхъ знаковъ. Пѣвчій, исполнявшій верхнюю строку, назывался вершникомъ, среднюю — путникомъ, а нижнюю — нижникомъ. Нерѣдко пѣвчій зналъ только свою строку или голосъ и не могъ пѣть другія строки, а между тѣмъ существовавшій обычай требовалъ, чтобы каждый пѣвчій зналъ всѣ строки, находившіяся въ строчной нотной книгѣ. Такой пѣвчій, который, путемъ долгаго изученія и естественной способности своего голоса, достигалъ возможности исполнять съ одинаковымъ удобствомъ всѣ три строки и умѣлъ еще пѣть четвертую, извѣстную подъ именемъ

«демества», назывался демественникомъ. Демественникъ поэтому почитался выше путника. вершника и нижника. Въ послѣдней четверти XVII в., когда пѣніе по партесамъ значительно успѣлось въ хорѣ и почти вполнѣ замѣнило собою старый видъ строчнаго пѣнія, въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ діаковъ встрѣчаются названія басъ, альтъ, теноръ, дискантъ. Эти голоса первоначально набирались въ Кіевѣ и другихъ южныхъ и юго-западныхъ нынѣшнихъ губерніяхъ, а потому по преимуществу изъ епархіи Новгородскаго Митрополита. Частыя требованія голосовъ изъ одной Новгородской епархіи не всегда, впрочемъ, удовлетворялись вполнѣ. Новгородскій Митрополитъ Іовъ въ 1713 г. писалъ: «нынѣшняго года, по указу царскаго величества, велѣно намъ выслать изъ пѣвчихъ и изъ подъяковъ тенористовъ четырехъ, басистовъ двухъ, алтистовъ двухъ и дишкантистовъ двухъ человѣкъ: и толикаго многаго числа выслать имъ невозможно, понеже изъ нихъ иные въ діаконы и въ іереи посвѣщены, а иные померли, а другіе, послѣ бывшаго во Псковѣ мороваго повѣтрія, посланы на умершихъ мѣста къ тамошнему архіерею, а иные изъ средней и изъ меньшей станицъ подъяки. пользы ради святыя Христовы церкве, упражняются всегда въ еллино-греческой школѣ уже седмое лѣто, въ наученіи грамматическаго и риторическаго художества; обаче и изъ того числа,

изъ пѣвчихъ и подъяковъ, избравъ съ нуждою точію послахъ седмь человѣкъ, и отписку велѣлъ подать въ Санктпетербургской канцеляріи, а имъ, пѣвчимъ и подъякомъ, съ симъ письмомъ явитися вашей господской милости».

Хоръ пѣвчихъ діаковъ, при полнотѣ голосовъ, обладалъ совершенно полнымъ знаніемъ современнаго церковнаго пѣнія.

Мелодическое богослужебное пѣніе въ XVII в. было довольно разнообразно по своему техническому устройству. Каждый мелодическій видъ извѣстенъ былъ подъ именемъ роспѣва. Такимъ образомъ въ XVII вѣкѣ существовали роспѣвы знаменный, греческій, кіевскій, болгарскій, — со всѣми ихъ частными подраздѣленіями.

Знаменный, или столповый роспѣвъ былъ самымъ употребительнымъ роспѣвомъ при церковномъ богослуженіи. Пѣвчіе діаки знали его первоначально какъ пѣніе раздѣльнорѣчное или холюначально какъ пѣніе раздѣльное или хомовое, а потомъ какъ пѣніе истиннорѣчное, или просто нарѣчное. Въ Московской оружейной палатѣ доселѣ хранятся нѣсколько безлинейныхъ книгъ знаменнаго роспѣва въ его раздѣльнорѣчномъ и истиннорѣчномъ видѣ. Эти книги, несомнѣнно бывшія въ церковномъ употребленіи пѣвчихъ діаковъ, служатъ свидѣтельствомъ того, что діаки знали знаменный роспѣвъ во всѣхъ его частныхъ видахъ (большой роспѣвъ, инъ роспѣвъ,

инъ переводъ, путь и пр.). Демественное пѣніе [1]) также извѣстно было пѣвчимъ діакамъ въ той мѣрѣ, какъ оно употреблялось тогда въ храмахъ при богослуженіи. Оба эти вида мелодическаго пѣнія, дошедшіе къ пѣвчимъ діакамъ отъ ихъ предковъ, хранились ими, какъ святыня.

Однако же, пѣвчіе діаки были не только пѣвцами-хранителями древняго пѣнія, но и пѣвцами, слѣдившими за современнымъ движеніемъ пѣнія, и усвоявшими себѣ все, что было новаго. Около половины XVII в. появилось не мало новыхъ роспѣвовъ восточногреческихъ и своихъ монастырскихъ. Кіевскій роспѣвъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ Великой Россіи одновременно съ греческимъ роспѣвомъ, усвоенъ былъ государевыми пѣвчими, какъ древняя русская святыня, а также исполнялся ими при богослуженіи. При погребеніи патріарха Никона, царь ходилъ вмѣстѣ съ прочими изъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря ко Кресту, на Елеонскую гору, гдѣ стоялъ гробъ святѣйшаго. На пути какъ туда, такъ и обратно, «благочестивый государь пѣлъ со своими клирики стихару 6-го гласа кіевскимъ согласіемъ: днесь благодать Св. Духа насъ собра, жалостію веліею и зѣло умилительными гласы, яко отъ пѣнія умильны всѣмъ слезы то-

[1]) Подробное изслѣдованіе о исторіи демественномъ пѣніи можно найти въ изслѣдованіи В В Стасова «*Замѣтки о демественномъ и троестрочномъ пѣніи*» (Собр. соч т III)

чити». Гармоническое пѣніе, которое столько восхищало и увлекало высшее русское общество XVII в., извѣстно было пѣвчимъ діакамъ первоначально какъ пѣніе строчное, т. е. такое, когда пѣвчій, сообразно съ качествомъ своего голоса, исполнялъ пѣніе по своей отдѣлькой строкѣ безлинейныхъ знаковъ или путь, или верхъ, или низъ, или демество. Въ половинѣ XVII в. сдѣлалось извѣстно несовершенство строчнаго пѣнія въ музыкальномъ смыслѣ. «Въ трехстрочномъ пѣніи, писали тогда, ничто же есть согласія, токмо несогласная тригласія, шумъ и звукъ издающая, и не свѣдущимъ благо мнится, свѣдущимъ же неисправно положено разумѣется. Между тѣмъ Великая Россія узнала, что въ Малой Россіи, когда «римляне начаша прельщати вѣрныхъ органными гуденіи въ костелахъ своихъ, ничѣмъ инѣмъ воспятиша ихъ, и паки обратиша къ соборной церкви, токмо многогласными составленіи мускійскими», и что ихъ «умиленные гласы, съ провѣщаніемъ словесъ божественныхъ, тѣхъ гуденія посрамиша и обувше обручаша, яко же тріе отроцы посредѣ пламене пояху богодухновенною мыслію». Царь Алексѣй Михайловичъ немедленно пригласилъ кіевскихъ учителей и пѣвчихъ по партесамъ, и тѣмъ побудилъ своихъ пѣвчихъ изучить пѣніе новаго рода. Пѣвчіе вскорѣ обрадовали царя своими успѣхами.

Композиторы въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ,

естественно, пользовались славою и уваженіемъ за свои музыкальныя познанія. Здѣсь, можетъ быть, заключается одно изъ сильныхъ побужденій къ тому, что знаніе гармоніи очень быстро привилось и развилось въ средѣ государевыхъ пѣвчихъ діаковъ.

По отъѣздѣ композиторовъ, временно находившихся въ царскомъ хорѣ, всѣ ихъ гармоническія познанія остались вполнѣ въ вѣдѣніи русскихъ композиторовъ изъ хора царскаго. Такими были: Михаилъ Сиѳовъ, Дьяковскій, Степанъ Бѣляевъ и Иванъ Протопоповъ.

Первыя гармоническія положенія XVII вѣка состояли изъ такъ называемыхъ нынѣ переложеній. Они опирались главнымъ образомъ на церковную мелодію (преимущественно знаменнаго роспѣва) въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда употреблялась въ храмѣ при богослуженіи. Всѣ звуки церковной мелодіи считались звуками постоянными, непереходными: ибо всякій звукъ мелодіи получалъ свою особенную гармонію. Но когда мелодическіе звуки отличались своею дробностію и состояли, напримѣръ, изъ восьми частей цѣлой ноты, тогда, и только единственно тогда, первые перелагатели-композиторы принимали ихъ за звуки переходные. Всѣ первыя переложенія церковно-русскаго пѣнія не имѣли музыкальнаго ритма и такта.

Партитура первыхъ переложеній постоянно

состояла изъ четырехъ голосовъ: или изъ сопрано, перваго альта, тенора и легкаго баса, или изъ дисканта, перваго и втораго альта и тенора. Партія третьяго голоса всегда исполняла церковную мелодію; она повторялась или въ первой, верхней, партіи въ сикстахъ, или во второй партіи въ терціяхъ. Четвертая партія имѣла весьма игривые ходы и вполнѣ удовлетворяла современныхъ исполнителей, желавшихъ эксцеллентовать, т. е. exccellenter canere.

Въ музыкальномъ смыслѣ партитура первыхъ переложеній не заключала въ себѣ надлежащихъ совершенствъ. Композиторы, при переложеніи церковной мелодіи въ гармоническій составъ, нѣсколько видоизмѣняли ее въ аккомпанирующихъ голосахъ для гармоническихъ выводовъ; такъ напр., они допускали въ чисто діатонической, безбемольной и бездіезной, церковной мелодіи діезъ на *фа* передъ окончаніемъ періода въ *соль*. Кромѣ того, въ первой партитурѣ не мало чисто гармоническихъ несовершенствъ. Діатоническая мелодія церковнаго пѣнія весьма часто сопровождалась ходами хроматическими, со всѣми свойственными имъ аккордами, такъ что нарушалось частое трезвучіе, столько свойственное діатонической гаммѣ. Въ гармоніи нерѣдко видны ходы запрещенные, октавы и квинты. Основный басъ во всѣхъ гармоническихъ ходахъ весьма рѣдко могъ быть слышанъ, потому что приложенный басъ.

или вообще четвертая партія, по своей игривости, не могла оставлять никакого впечатлѣнія основнаго баса и часто подавала поводъ къ сцѣпленію несродныхъ аккордовъ. Главная мелодія, по своему положенію въ срединѣ аккомпанирующихъ партій, могла быть мало слышна при исполненіи, потому что часто заслонялась сильными и высокими звуками верхняго голоса, которые нерѣдко совпадали съ весьма слабыми звуками мелодіи. Это послѣднее неудобство устранялось тѣмъ, что при исполненіи въ партію мелодіи, или третьяго голоса, ставили гораздо болѣе пѣвцовъ, чѣмъ въ партію голосовъ аккомпанирующихъ. Здѣсь заключается главная причина, почему въ Московской оружейной палатѣ сохранилось гораздо болѣе партій для тенора, чѣмъ для прочихъ голосовъ. Такъ, напр., изъ 13 отдѣльныхъ партій, содержащихъ въ себѣ благодарственную службу «на примиреніе полтавской баталіи», 8 партій теноровыхъ, 2 альтовыхъ, 2 басовыхъ и одна дискантовая.

Несмотря на все несовершенство первой гармонизаціи, она въ свое время имѣла исключительное употребленіе въ придворномъ хорѣ и пользовалась вниманіемъ русскихъ царей. Петръ I-й довольно часто становился на клиросъ при богослуженіи и пѣвалъ съ своими пѣвчими. Такъ, напримѣръ, было въ 1701 году, наканунѣ и въ самый праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы,

когда Государь съ своими пѣвчими находился въ Соловецкомъ Монастырѣ. Соловецкій лѣтописецъ замѣтилъ: «великій государь съ пѣвчими стоялъ на правомъ клиросѣ и изволилъ самъ пѣть всенощное бдѣніе. На другой день, 15 августа, онъ же великій Государь стоялъ и пѣлъ на клиросѣ». Петръ I-й въ партесномъ пѣніи постоянно исполнялъ четвертую партію. Эти партіи, красиво и четко переписанныя, нерѣдко въ кожаномъ, или пергаменномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ доселѣ сохраняются въ Московской оружейной палатѣ съ надписью: «по симъ нотамъ изволилъ пѣть государь царь Петръ Алексѣевичъ». Онъ почиталъ церковное пѣніе однимъ изъ общеобразовательныхъ предметовъ для юношества и много заботился о распространеніи его по современнымъ учебнымъ заведеніямъ. Церковное пѣніе включено было въ программу воспитанія царевича Алексѣя Петровича. Учителемъ царевича по этому предмету былъ государевъ пѣвчій діакъ Никифоръ Кондратовичъ Вяземскій.

Область церковнаго пѣнія, несмотря на весь обширный кругъ церковныхъ пѣснопѣній и напѣвовъ, не удовлетворяла потребностямъ предковъ нашихъ. Они любили слушать пѣніе въ храмѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣли благочестивый обычай заниматься церковнымъ пѣніемъ въ своемъ домѣ, среди домашнихъ занятій и во время свободное отъ нихъ. Вопросъ о томъ, что и какъ пѣть въ

своемъ домѣ, не могъ затруднить собою ни одного современнаго любителя пѣнія. Любовь къ домашнему пѣнію издавна создала для него опредѣленную систему, по которой дозволялось пѣть въ домѣ духовные стихи, по напѣву своему несходные ни съ однимъ церковнымъ, или богослужебнымъ распѣвомъ. Духовные стихи существовали въ XVII вѣкѣ на нотахъ и весьма часто роспѣвались среди мирныхъ домашнихъ бесѣдъ и занятій. Государевы пѣвчіе діаки очень хорошо знали всѣ современные сборники стиховъ и неоднократно исполняли ихъ въ царскихъ хоромахъ. Въ 1647 г., когда послѣдовало и исполнялось строгое запрещеніе игры на музыкальныхъ инструментахъ, царь Алексѣй Михайловичъ, по случаю своего бракосочетанія съ «Марьею Ильиничною, на своей государевой радости накрамъ и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ Государь во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ государевымъ пѣвчимъ діакамъ, всѣмъ станицамъ, перемѣняясь, строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи, со всякимъ благочиніемъ. И по его государеву, мудрому и благочестивому разсмотрѣнію бысть тишина и радость и благочиніе веліе, яко и всѣмъ ту бывшимъ дивитися и возсылати славу превеликому, въ Троицѣ славимому, Богу, и хвалити и удивлятися о премудромъ его царскаго величества разумѣ и благочиніи».

Пѣвчіе діаки своими музыкальными познаніями много содѣйствовали къ распространенію домашняго духовнаго пѣнія въ современномъ обществѣ. Около 1680 г., какъ писали современники, «мнози во всѣхъ странахъ Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червонныя Россіи, паче же въ Великѣй Россіи, въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, возлюбше сладкое и согласное пѣніе польскія псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тыя псалмы пѣти, речей убо или мало или ничто же знающе, и точію о сладости пѣнія увеселяющеся духовнѣ». Сумеонъ Полоцкій рѣшился перевести и перевелъ «псалмы славянскіе на различные роды стиховъ, не дабы тако (псалтири) въ церкви чтеннѣй быти, но еже въ домѣхъ часто ю читати или сладкими гласы воспѣвати».

Различіе въ стихахъ переведенной псалтири оказалось такого свойства, что только нѣкоторые псалмы могли быть пѣты тѣмъ же напѣвомъ, какой находился надъ ними въ польской стихотворной псалтири. «Не всякаго убо псалма польскаго пѣнію, того же числа славянскій подложеніемъ знаменій (нотъ) можетъ соотвѣтствовати, писалъ Полоцкій, яко не вся тѣмъ же преведохъ родомъ стиховнымъ, ово за трудность превалденія, ово яко не всѣхъ ми псалмовъ польскихъ гласы суть извѣстны. Обаче во иныхъ псалмѣхъ по тому роду приведенныхъ, мощно есть желае-

мое подложити пѣніе». Такимъ образомъ къ стихотворной псалтири Полоцкаго надлежало приладить напѣвы или прежніе польскіе, или свои, новые. Этотъ трудъ совершенъ былъ государерымъ пѣвчимъ діакомъ Васильемъ Титовымъ, чрезъ «композицыю, сирѣчь чрезъ твореніе». Нотная стихотворная псалтирь Полоцкаго находилась въ свое время въ большемъ употребленіи между государевыми пѣвчими діаками. Безъ преувеличенія можно сказать, что не было тогда почти ни одного пѣвчаго, который бы не имѣлъ своего собственнаго экземпляра стихотворной псалтири.

Государевы пѣвчіе діаки писали сами всѣ нотныя книги для церковнаго и домашняго употребленія, на нотахъ безлинейныхъ и линейныхъ квадратныхъ. Такой трудъ, на первый взглядъ, очень естественъ, но онъ можетъ изумить каждаго своею обширностію, своимъ искусствомъ и своимъ постоянствомъ. Пѣвчій діакъ Иванъ Конюховской, около 1640 г., написалъ безлинейный двоестрочный обиходъ. на 600 листахъ, съ такою отчетливостію, что, несмотря на мелкій почеркъ, каждая нота и каждое слово текста очень ясны и доселѣ еще не утратили своей четкости. Самое путешествіе пѣвчихъ діаковъ не прерывало ихъ занятій по перепискѣ. Въ 1722 г. государевъ пѣвчій писалъ свою парѳицію. ѣхавъ «отъ Дербеня къ Астрахани». Только въ важныхъ случаяхъ, когда переписка нотъ требовала особенной

поспѣшности, хоръ государевыхъ пѣвчихъ діаковъ находилъ себѣ помощь въ особенныхъ писцахъ, состоявшихъ при хорѣ. Переходъ отъ раздѣльнорѣчія къ истиннорѣчію, совершившійся около половины XVII вѣка, по своей важности, требовалъ усиленныхъ занятій въ исправленіи старыхъ нотныхъ книгъ и въ перепискѣ ихъ на новое истиннорѣчіе, потому что соборное постановленіе требовало «гласовное пѣніе пѣти на рѣчь». По этой причинѣ въ хорѣ пѣвчихъ являются особые нарѣчнаго пѣнія мастера и писцы. Новое истиннорѣчіе, или просто пѣніе на рѣчь явилось первоначально на безлинейныхъ столповыхъ знаменахъ (нотахъ), безъ сомнѣнія потому, что этотъ видъ нотъ былъ очень извѣстенъ и привыченъ пѣвцамъ, наравнѣ съ прочими современными пѣвчими. Но безлинейная система нотописанія въ то время значительно теряла свою силу отъ введенія нотъ квадратныхъ, писавшихся на линейныхъ строчкахъ. Быстрый переходъ отъ безлинейныхъ нотъ къ линейнымъ немедленно потребовалъ новой переписки нотныхъ истиннорѣчныхъ книгъ. Поэтому при томъ же хорѣ государевыхъ пѣвчихъ въ послѣдней четверти XVII вѣка явились особые мастера строчнаго пѣнія и письма.

Раздробленіе единаго хора государевыхъ пѣвчихъ на разные придворные хоры, совершившееся, какъ мы видѣли, въ послѣдней четверти XVII

вѣка, сопровождалось такими послѣдствіями, которыя въ началѣ трудно было предвидѣть, и которыя затѣмъ еще труднѣе было предотвратить. Совершенно отдѣльное устройство каждаго придворнаго хора прежде всего произвело новыя отношенія между хорами пѣцовъ и оказало довольно неблагопріятное вліяніе на нравственность ихъ. До кончины царя Ѳеодора Алексѣевича, въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ вовсе не встрѣчается случаевъ, когда бы пѣвчіе подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ за церковные или гражданскіе проступки. Но послѣ того, какъ частные хоры придворные получили надлежащую степень прочности и самостоятельности, въ средѣ пѣвчихъ стало обнаруживаться гораздо менѣе гражданской доблести и нравственной твердости. Въ 1691 г. «великіе государи указали для своего дѣла» прислать въ сибирскій приказъ великіе государыни княгини Марфы Матвѣевны пѣвчаго Григорія Леонтьева, сына Корсакова. Современный документъ вполнѣ объясняетъ въ чемъ состояло это дѣло, потому что въ это самое время князь Ромодановскій получилъ наставленіе не пускать пѣвчихъ въ Московскій Новодѣвичій монастырь. Въ наставленіи, по этому случаю, говорилось, между прочимъ: «а пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была; а не такъ, что въ церкви поютъ: спаси отъ бѣдъ; а съ паперти деньги на убійство даютъ». Въ томъ

же 1691 г. великіе государи указали изъ приказу Мастерскіе палаты прислать въ приказъ сыскныхъ дѣлъ къ боярину Лыкову, великіе княгини Марфы Матвѣевны пѣвчева діака Ивана Матвѣева для розыску въ смертномъ убійствѣ Константина Оборина.

Увеличеніе нравственной распущенности въ средѣ пѣвчихъ было на столько значительно, что не могло укрываться уже отъ внимательнаго взора гражданскихъ и церковныхъ правителей, которые, очевидно, не могли потворствовать пѣвчимъ и относиться къ нимъ снисходительно. Поэтому въ скоромъ времени придворные хоры, состоявшіе при Софіи Алексѣевнѣ и Марфѣ Матвѣевнѣ, были совершенно освобождены отъ обязанностей придворной службы и, за исключеніемъ немногихъ, отпущены по домамъ. Очень можетъ быть, что при такомъ сплошномъ увольненіи пострадали не мало невинныхъ пѣвчихъ и самое искусство пѣнія.

Энергическая мѣра, принятая противъ нѣкоторыхъ придворныхъ хоровъ, соотвѣтствовала обстоятельствамъ и можетъ найти себѣ въ нихъ оправданіе. Но эта временная мѣра, какъ оказалось въ послѣдствіи, стала обычаемъ относительно всѣхъ придворныхъ хоровъ пѣвчихъ, и постоянно приводилась въ исполненіе, когда частный хоръ придворныхъ пѣвчихъ, по кончинѣ Особъ царствовавшаго дома, оставался повидому безъ назна-

ченія, или не у дѣлъ. По кончинѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны, принадлежавшіе ей пѣвчіе отпущены были отъ двора. Хоръ великаго государя Іоанна Алексѣевича, по кончинѣ царя также уволенъ былъ отъ дворцовой службы. Хоръ пѣвчихъ Петра I-го могъ казаться болѣе прочнымъ въ своемъ положеніи. Онъ, въ составѣ 20 и болѣе человѣкъ, постоянно пѣлъ при государѣ, и часто раздѣлялъ съ нимъ труды дальныхъ походовъ, въ Азовъ, Астрахань, Воронежъ, въ Соловецкій Монастырь и пр. Но этотъ хоръ по кончинѣ императора, поставленъ былъ тоже въ необходимость оставить службу при императорскомъ дворѣ и искать себѣ пропитанія въ другихъ мѣстахъ. Одни пѣвчіе возвратились въ тѣ хоры, изъ которыхъ поступили въ государевы пѣвчіе; другіе опредѣлились въ гражданскую службу; третьи, вѣроятно, возвратились къ своимъ семействамъ и домамъ. Все это узналось черезъ четверть вѣка послѣ кончины Петра I, когда однажды императрица Елисавета Петровна потребовала отъ Св. Синода «извѣстіе о оставшихъ по кончинѣ родителя ея блаженныя памяти государя императора Петра Великаго пѣвчихъ, сколько оныхъ понынѣ на лицо и кто именно, и по скольку кому жалованья въ годъ производится, и отколь, и сверхъ того, какіе имѣютъ доходы и по скольку». Изъ справокъ, собраныхъ по этому случаю въ Москвѣ въ 1753 г.,

оказалось, что «по кончинѣ его императорскаго Величества бывшихъ при жизни его величества придворныхъ пѣвчихъ между синодальными пѣвчими на лицо въ живыхъ, никого не обрѣтается».

Хоръ пѣвчихъ Петра I представляется достойнымъ завершеніемъ всего, что начато и сдѣлано было для партеснаго пѣнія въ исходѣ XVII вѣка. Это былъ хоръ съ отборными и образованными голосами и совершенно вѣрный исполнитель державной воли и церковныхъ постановленій о богослужебномъ пѣніи. Въ нотныхъ книгахъ этого хора всегда можно прочитать то, чего хотѣлъ великій Монархъ, когда рѣшился развить и поддержать партесное пѣніе въ богослужебномъ употребленіи. Государевы пѣвчіе діаки, подъ наблюденіемъ и при личномъ содѣйствіи самого императора, строго держались опредѣленнаго направленія въ партесномъ пѣніи. Это направленіе по своему характеру, и, разумѣется, съ нѣкоторыми улучшеніями въ композиціи, могло бы еще на долго украшать церковное пѣніе, потому что оно успѣло утвердиться въ Россіи повсюду, гдѣ проводили остатокъ дней своихъ государевы пѣвчіе діаки, или куда заносились ихъ тетрадки, плодъ немалыхъ трудовъ и усердія. Тетрадки нотнаго пѣнія, современнаго Петру I, употреблялись еще въ Москвѣ около 1780 г.

Библиотека ООН

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Протоіерей Д. В. Разумовскій (очеркъ его дѣятельности). 5
Списокъ напечатанныхъ трудовъ Д. В. Разумовскаго 18
Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки. 19
Государевы пѣвчіе діаки 33